

Виктор Гальперин

рассказы разного вкуса

Виктор ГАЛЬПЕРИН

Рассказы разного вкуса

2020

ББК 84
Г 17

Литературный редактор Сергей Бутенко.

Виктор Гальперин
Г 17 Рассказы разного вкуса. —
Таганрог: изд-во «Нюанс», 2020. — 96 с.
ISBN 978-5-98517-512-7

ISBN 978-5-98517-512-7 **ББК 84**

© Виктор Гальперин, 2020

Содержание

Содержание	3
Вместо предисловия	4
Все мы немного ... хамельоны	5
Айболит – 2020	7
Гадами будем	9
Сквернофильтр	13
Голая пристань	18
Рабыня	22
До звезды	24
Зелёная кровь	30
Куркума	35
Перевозчица	38
Карусель	44
Оба	46
Жук	49
Комар с балконом	56
Хлебное дело	58
Жёлуди внутри	60
Колыбельная история про летающего ежа	65
Имиджмейкер для киви	69
Путь обратно. Трилогия	73
Эксфайлы. За мгновение до форматирования	79

Вместо предисловия

Возможно, среди ваших знакомых встречаются такие, которые с удовольствием заедают что-нибудь сладкое солёным огурцом, или добавляют в кофе кайенский перец, или могут съесть лимон, не изменившись в лице. И это ещё довольно безобидные примеры оригинальных и экзотических пристрастий, присущих представителям рода человеческого. Кстати, чтение книг тоже в числе довольно редких. Однако вернёмся к индивидуальным вкусовым предпочтениям. Они, как правило, довольно очевидны, если, конечно, кто-нибудь не прячет чеснок в крем для торта или не добавляет исподтишка в солянку малиновый сироп. Вкусы же литературные того или иного субъекта скрыты от нас до поры. Кто знает, о чём читает он в маленькой книжице, спрятав её в кулак? Рассказы, вошедшие в этот сборник, избавляют от поиска ответа на этот вопрос. Потому что среди них есть все, ну или почти все варианты вкусовых сочетаний. Дегустационный комплект пробников для первичной хеморецепции — в ваших руках. Приятного аппетита! Индивидуальные заявки и коллективные заказы на полное меню в том или ином вкусе, а также прочие пожелания, предложения и жалобы принимаются по адресу svoboda_2008@mail.ru

Все мы немного ...хамельоны

Порой так хочется поверить во что-нибудь доброе, светлое и полезное в быту, что каждый песец кажется белым и пушистым воротником. Между тем, хищный зверёк только и ждёт, чтобы цапнуть за палец всякого утратившего бдительность.

Способность к притворству и, не побоимся этого слова, мимикрии в той или иной степени присуща многим. Правда, не все способны извлечь из этого реальную выгоду. Нередко стремление вводить окружающих в заблуждение — это просто проявление тяги к актёрскому самовыражению. Однако стать народным артистом под силу далеко не каждому. Поэтому большинство разнообразных существ, населяющих просторы нашего заповедника, пробавляются художественно-политической самодеятельностью, притворяясь то тем, то этим.

Вот, например козлы и бараны изо всех сил бычата, стремясь произвести на окружающих впечатление рогатого скота в особо крупных размерах. Когда это не получается, лицедействующим парнокопытным остаётся найти какую-нибудь овцу и утешать своё самолюбие её восторженным блеянием.

Совсем другая тактика обнаруживается у предприимчивых змей. Эти пресмыкающиеся в нужных местах лезут вон из кожи и на какое-то время способны полностью изменить своё лицо. В том числе и юридическое. Однако, гадючью сущность не спрячешь, сколь ни прикидывайся ужом.

Исключительно хороши в своих театральных порывах хищники. Декларируя приверженность вегетарианскому образу жизни, они способны довольно продолжительное время питаться всухомятку норма-

тивной документацией и демонстративно не обращать внимания, к примеру, на аппетитных хомячков, прячущихся под пакетами в кладовке. Однако, в конце концов, природа безжалостно берет своё. В этом случае жанр спектакля может стремительно измениться с мелодраматического на криминальный и сыграть свои героические роли хомячки уже не успеют.

Безопаснее всего в нашем обманчивом мире, как это ни парадоксально, иметь дело с хамельонами. Они-то уж точно не обманут, поскольку изначально, всем своим видом, официально предупреждают: иллюзии неизбежны. Такая неприкрытая хамельонская откровенность позволяет своевременно подготовиться к возможным манипуляциям с сознанием.

Конечно, риск стать жертвой заблуждения всё равно остаётся. Но, по крайней мере, в отличие от белых и пушистых, которым палец в рот лучше не класть, хамельоны не кровожадны. В чём-то они даже склонны к поиску компромиссов, а также аргументированию и разъяснению своей позиции. И вот вы уже, сами того не замечая, начинаете слегка менять свой цвет...

Айболит — 2020

«Честно говоря, я не вижу особой необходимости менять правила содержания животных в нашей ветлечебнице, — сказал главврач на очередной планёрке. — Но если пациенты считают, что это нужно, то давайте обсудим, какие поправки допустимо внести в этот важный для всех нас документ».

Вскоре после этого заявления в ветлечебнице стало очень оживлённо. Перспектива перемен довольно быстро овладела мыслями и чувствами почти всех обитателей учреждения.

Первыми отреагировали пресмыкающиеся. Пошипев в серпентарии и сожрав нескольких не к месту квакнувших лягушек, они вскоре расползлись повсюду, извиваясь и предлагая свои варианты изменений. Правда, весьма нечленораздельно.

Вскоре спохватились и обезьяны. Группа маршешек, заняв позицию напротив кабинета главврача, яростно скандировала какие-то цитаты из детской книжки про доктора Айболита, из которых вырисовывалась одна ключевая идея — доктор должен сидеть под деревом постоянно, даже не помышляя о том, чтобы покинуть свой пост.

Подтянувшийся старый лабораторный орангутанг тихо бормотал что-то по поводу пенсионного возраста. Но стая крупных попугаев с хорошо поставленными голосами принялась орать о недопустимости участия в обсуждении животных, привезённых из других стран.

Встревоженная панда, чтобы хоть как-то реабилитироваться, предложила переименовать должность главного врача — в великого эскулапа. Это красивое

слово будило в панде приятные ассоциации с эвкалиптом.

Наиболее скептическое отношение к происходящему попытались выразить рыбы, проживающие в аквариуме возле регистратуры ветлечебницы. Но всё, на что хватило их сил, это выложить слово «нет» из цветных камушков на дне. На восклицательный знак камушков не хватило, так что пришлось использовать подвернувшуюся улитку. В результате рыбье волеизъявление обрело вопросительный характер.

Забинтованная на всякий случай чёрная кошка в крайнем волнении металась по коридорам, шипя вместе со змеями. Осторожная такса предложила продлить обсуждение до тех пор, пока все не придут к общему мнению, и получила от главврача пластмассовую косточку.

«Я не подпишу новые правила, если за них не выскажется абсолютное большинство!» — строго одернул он возбужденных обитателей ветлечебницы и скрылся за дверью микробиологической лаборатории.

Подсчёт голосов микробов, твёрдо уверенных в том, какими должны быть новые правила, закончился только под утро...

Гадами будем

К регистратуре медицинского центра решительно подошёл мужичок средних лет. «Мне на эгэ-гэ!», – заявил он. – Куда тут проходить?». «На ЭКГ? То есть на электрокардиограмму...», – автоматически поправила его медсестра. «Нет. На эгэ-гэ, я точно знаю, – упорствовал пациент. На лице медсестры появилась тень раздражения. Благо, на помощь пришла вторая медработница. «Да, это вам нужен вход с другой стороны здания – там кабинет ЭГГ работает!», – послала она мужичка.

«Ты чего это – подшутила над человеком?», – спросила медсестра, когда мужичок скрылся. «Какие шутки? Ты же – только после отпуска – не в курсе, а тут у нас новые услуги появились. Согласно распоряжению главного санитарного врача, открыты кабинеты ЭГГ». «И что это за ЭГГ такое?», – недоумевала отпускница. «Электро-гадо-грамма – серьёзное обследование, между прочим. Без него теперь в некоторые места и не попадёшь. Впускают только по предъявлению своего Г-кода».

Тем временем мужичок уже добрался до указанного кабинета, но не успел войти – в кармане запищал телефон. Звонило, видимо, начальство, потому что тон мужичка сразу стал виновато-оправдательным. «Да, скоро буду, задержался – медобследование прохожу. Да, по вашему указанию, как и все работники нашего цеха. Только проверят – сразу еду!».

Не успел мужичок войти в дверь с табличкой «Кабинет ЭГГ», как опередить его попыталась энергичная дамочка, сжимавшая в руках какую-то помятую бумажку. «Мужчина, я первая, я по записи, у

меня направление из суда...» – отстрелялась она неопровержимыми аргументами.

«Какого суда?! При чем тут суд?» – опешил мужичок. «У меня развод, – выдохнула дамочка. – Если подтвердится, что как говорит этот муд... муж, что я – стопроцентная гадина, то при разделе имущества мне рассчитывать не на что – выбросят на улицу», – всхлипнула она и на этой слезливой волне беспрепятственно вплыла в кабинет. Мужичок обескуражено присел на лавку у двери.

Из-за угла появились парочка юнцов с электронными сигаретами наперевес. «Да, на хрен мы только этот вуз выбрали?! – явно психовал длинный в черной майке с изображением волчьей морды. «Ну, кто знал, что там кроме баллов за ЕГЭ ещё этот гадский коэффициент учитывается...» – терпеливо успокаивал приятеля другой абитуриент в джинсах с прорезами. – Ничего, щас получим результаты и всё». «А если они кровь брать станут на анализы?! – трясся длинный. – Я этого до обморока боюсь». «Лишь бы током не били...» – со знанием дела отвечал приятель.

«Пацаны, а ну – не спешить, за мной будете!» – строго предупредил мужичок. Тем временем из кабинета выпорхнула дамочка с новой справкой. «Ну что?» – участливо поинтересовался он. «Всего 75 процентов! Отлично! Никакая я не полная гадина!» – радостно воскликнула обследованная и принялась вызывать такси. Мужичок ухмыльнулся и отправился в кабинет.

Тем временем за молодыми людьми быстро образовывалась разношёрстная живая очередь. Деловитый усато-лысоватый дядька в белом пиджаке и с длинноногой спутницей рассказывал ей, что обсле-

дование абсолютно необходимо для выяснения её профессиональной пригодности и он всё оплатит. Пожилая дама молча наблюдала за ними, презрительно поджав губы и перебирала бумаги в папке с надписью «Документы для перерасчёта пенсии». Очевидно, и здесь результат обследования имел значение. Трое девиц спортивного вида напряженно подсчитывали какие-то варианты употребления калорий при различном гадском коэффициенте.

Суэта у кабинета продолжалась весь день. Ближе к вечеру оттуда вышел доктор, уставший, но заметно довольный своей востребованностью. Убедившись, что пациентов пока нет, он заглянул в гости к коллегам — в медцентр. Там у стойки регистратуры посетителей не наблюдалось. Медсестры скучали, но оживились, завидев гостя.

«А у вас просто аншлаг!», — иронично заметила медработница, которая ещё недавно и не подумывала о существовании ЭГГ. «Да, но если хотите, вас могу принять без очереди! — подмигнул доктор. — И даже округлить коэффициентик в нужную сторону, смотря куда вам требуется...».

«Что значит — «смотря куда»? — удивилась медсестра. Тут, по-моему без вариантов, кому ж его повышать захочется!?».

«А вот, не скажите... — задумчиво отвечал доктор. Вчера ко мне из силовых структур на обследование приходили, так там своя шкала по этой части... Как бы это сказать ... Такая... Непростая... Логорифмическая. А на завтра — явятся члены местного отделения одной партии в плановом порядке. У них это теперь в программу праймериз включено. Если у кого недобор по коэффициенту выявится — не видать места в партийном списке».

Дверь медцентра распахнулась, и к регистратуре важно приблизились двое молодых мужчин, не смотря на теплую погоду, упакованных в костюмы с галстуками.

«Вы не знаете, почему закрыт кабинет ЭГГ?», – вместо приветствия начал один из вошедших. – На каком основании в рабочее время не ведётся приём, хотя до конца дня ещё... – он со значением посмотрел на свои явно очень недешёвые часы, – ...ещё пять с половиной минут».

«Ну, видимо, кто-то хочет получить проблемы, – воинственно подхватил второй. – За срыв национальной кампании по гадификации населения, особенно накануне выборов...».

«А вы собственно откуда? – поинтересовался доктор. «Я – из администрации, а вот товарищ – из избиркома, если вы ещё не поняли», – напирал парнишка.

«Пойдёмте, пойдёмте, уважаемые! – доктор двинулся к кабинету. – У меня для вас уже заранее 140-процентные бланки заготовлены».

Сквернофильтр

«Да, если он как следует подзарядится, то может без остановки двенадцать часов подряд землю рыть!» — решительно говорил молодой человек в кожаной фуражке, заливчато сдвинутой на затылок. В руках он держал большую картонную коробку из под пылесоса, и в этой коробке что-то угрожающе гудело. Поверх названия и картинки пылесоса на коробке красным маркером было написано «Крот электрический. Опытный образец».

Держатель крота, одновременно являвшийся его изобретателем и создателем, сидел на маленьком металлическом стульчике. Целый ряд таких весьма неудобных сидений был установлен вдоль стены коридора и на каждом располагался посетитель учреждения. Название учреждения значилось тут же, над дверью, ведущей в кабинет явно очень важного лица. На чёрной табличке золотыми буквами было начертано «Управление по надзору и управлению изобретениями». Табличка казалась такой тяжёлой, что казалось, упади она со стены — пол проломится под ударом и даст трещину, ведущую в земные недра.

«Крот ваш не выдержит нашей русской зимы! — злорадно доказывал молодому изобретателю в фуражке его сосед по очереди, коренастый пожилой мужчина в двубортном пиджаке устаревшего покроя. — Он у вас, знаете ли, рассчитан на тепличные лабораторные условия, а вы попробуйте его отвезти на недельку в Лонгьюган!»

«Куда, куда?» — удивлённо переспрашивал молодой.

«Туда-туда! В Лонгьюган! — с ударением на каждый слог и явным удовлетворением оттого, что поставил оппонента в тупик, повторял двубортный. —

Посёлок такой в Тюменской области. Не слышали? А у нас таких посёлков — полстраны. Вот туда вашего крота! На полевые испытания. В условия вечной мерзлоты. Тогда и поглядим на его пользу для народного хозяйства».

Молодой изобретатель крота обеспокоенно заглядывал в коробку и что-то переключал. А его сосед, считая, что спор завершился уверенной победой, уже высматривал очередную жертву. Ближайшие два стульчика были заняты одной дородной женщиной. Она невозмутимо дремала, облокотившись на картонный планшет. Какие рацпредложения скрывались в нём, оставалось только догадываться.

За изобретательной дамой сидел мужчина в тёмных очках, на всякий случай отгородившийся от окружающей среды ещё и наушниками. В металлическом чемоданчике, стоявшем у его ног, с равной вероятностью мог находиться как набор флакончиков с новым парфюмерным ароматом, так и портативный огнемет повышенного радиуса действия. Вступать в диалог с хозяином чемоданчика двубортному не хотелось.

И тут входная дверь в конце коридора распахнулась, пропуская внутрь очередного посетителя. В одной руке он держал какую-то невзрачную пластиковую папку, а в другой — небольшое устройство, напоминающее большой сплюснутый апельсин с кнопками на боку.

Сидящие в очереди заинтересованно оглядывали новичка. Он же тем временем прошагал прямо к важной табличке и прищурившись, словно удивляясь тому, где оказался. Собираясь войти прямо к важному лицу, посетитель ловко поставил свой апельсин на папку, будто на поднос, но тут к нему двинулся двубортный. «Уважаемый, а тут, между прочим, очередь!» — начал он многообещающе. Но новенького

это не смутило. «Мы по предварительной записи», — сообщил он, как казалось не столько бдительному пожилому, сколько вообще всем присутствующим. — На 14.30 по приглашению главного управляющего».

«Это кто такие «мы»? — проснулась дородная дама с картонным планшетом. — За вами ещё подтянутся такие же шустрые?».

«Мы — это я и вот — оно, то есть он — искусственный, можно сказать, разум», — охотно пояснил мужчина. — Фильтр, построенный на основе нейронной сети».

«Фильтр чего? — заинтересовался изобретатель электрического крота. — Это для воды или против курения?».

«Нет, что вы! Всё гораздо полезнее. Социально-значимая и общественно-важная разработка!», — с этими словами апельсиновый ловко проскользнул в дверь, к явному неудовольствию сидящих в коридоре.

Оказавшись в кабинете, где располагались двое экспертов, внеочередной посетитель предъявил крайнему из них бланк-приглашение и остановился в нерешительности, размышляя с чего начать.

«Пётр Рюкзаков?» — уточнил первый эксперт, глядя в бумагу.

«Да, это я. Рюкзаков Пётр Петрович. По рекомендации научного совета», — отрапортовал изобретатель. — Вот это устройство, которое мы с группой товарищей разработали, оно будет помогать людям защититься от недоброжелательного общения, от скверных эмоций. Мы его так и назвали — скверно-фильтр».

«Фильтрация в региональных масштабах? — деловито поинтересовался второй эксперт, занимающий место за столом в центре. — Или сразу на фе-

деральный уровень замахиваетесь? Тогда с РосМозгНадзором согласований столько предстоит, что сами не рады будете».

«У нас совсем другая концепция, — повернулся к нему Рюкзаков. — Это устройство только для индивидуального пользования. Оно настраивается на конкретного человека и фильтрует негатив, который исходит от тех, кто скверно относится именно к нему. Обеспечивает так сказать, личную психологическую защиту. Но в конечном счёте может быть полезна для улучшения психического здоровья всего человечества!»

«Ну, точно псих! Очередной создатель очередной фантастической хрени, — подумал второй эксперт. — Образец действующий?» — строго спросил он у Рюкзакова.

«Конечно, — откликнулся изобретатель. — Настроен, понятное дело, лично на меня пока. Вот смотрите...», — с этими словами он вынул из отсека на боку устройства и надел плотные наушники. — Система чуткая, скверных людей вообще не даст услышать».

«Ну, а как будем проверять-то? Вы этих самых скверных людей с собой доставили для опыта?» — не понял эксперт.

Рюкзаков молчал.

«Вы что там, оглохли что ли? К вам же обращаются!», — повысил голос второй эксперт.

Изобретатель даже не обернулся к нему.

«Так, Пётр Петрович, давайте без фальсификации! — предупредил первый эксперт. — Вас уважаемые люди направили, так что вы не подставляйте их своей безответственностью и неподготовленностью. Чтобы нам не пришлось отправлять отрицательный отзыв».

Заподозрив что-то неладное, изобретатель то-ропливо стянул наушники. «Вы что-то сказали? — спросил он, глядя то на одного, то на другого эксперта. — Простите, я ничего не слышал».

«Не работает? Так идите и дорабатывайте, — выдохнул второй эксперт, уже не скрывая раздражения и неприязни. — Зачем приносить всякую ... недоработанную конструкцию?».

Изобретатель переминался с ноги на ногу и тревожно заглядывал в свою папку с бумагами, будто надеялся найти там инструкцию по выходу из неловкой ситуации.

«Значит так, — подытожил второй эксперт. — Только из уважения к профессору, который вас рекомендовал, мы не будем заносить этот минус в систему и лишать вас изобретательских прав сроком на два года, как могли бы. Будем считать, что вас тут сегодня не было. Не пришли. Опоздали. Заболели. Понятно?».

«Идите-ка отсюда, молодой человек, учитесь на своих ошибках», — посоветовал напарник.

«Сколько можно терпеть — приносят разную безумную дрянь! — выругался второй эксперт, когда дверь за Рюкзаквым закрылась. — И ты посмотри на этого наглого придурка — защитить человечество он собрался своим фильтром, а сам с поломанными наушниками припёрся... Вбей фамилию Рюкзакв в наш чёрный список, чтоб его заявки повторные сразу в корзину отправлялись».

«А если эта штука всё-таки того — немножко работает?» — осторожно предположил первый эксперт.

«Да вы что? — уставился на него второй. — Вы тут того — говорите, да не заговаривайтесь. Ошибок у нас не бывает!».

Голая пристань

На берегу было холодно. «Хорошо ещё, что сегодня нет такого сильного ветра, что дул вчера», — сказала женщина в длинном плаще мальчику, который шёл рядом и, казалось, был готов расплакаться. «Это все ты придумала!» — отвечал он ей, поддевая ногой серые, обточенные морем камни. «Говорила, что идём за молоком, а ходим тут непонятно зачем. Хочу домой!». Женщина вздохнула и взяла мальчика за руку. «Эмилия... Это вы?!» — донёсся откуда-то сверху мужской голос.

В окне небольшого домика, стоящего на самом обрыве, над серым безжизненным морем показался человек в очках. Судя по голосу, он был уже не молод, хотя в густых черных волосах его ещё не сквозила седина и лицо не обременяли морщины. Женщина вздрогнула, обернулась и застыла, глядя наверх.

«Может быть, вы спуститесь?» — сказала она, наконец.

Мальчик уселся на песок и принялся разгребать его ладонями, добираясь до влажного и холодного слоя, на котором можно было рисовать. Две чайки торопливо пролетели совсем низко над водой.

Женщина разглядывала дом. Своей передней, обращённой к морю частью он нависал над обрывом и опирался на старые поржавевшие сваи. Краски на раме открытого окна почти не осталось, и она была почти коричневой, сливаясь с дощатой деревянной стеной. Над крышей на шпиле, вонзившемся в розовое закатное небо, висел истрёпанный зелёный флаг.

«Нет... Простите, Эмилия», — голос немного дрогнул, мужчина закашлялся и на мгновение отступил от окна, так что ей показалось, будто его и не было вовсе. Но он вернулся тут же и был уже без очков, щурился и молчал, глядя на женщину и мальчика, не решаясь сказать что-то. И наконец, повторил: «Простите, не смогу».

«Нет, простите, я не смогу», — прошептал он, сжимая её руки, казавшиеся совсем безжизненными и безвольными. Ещё несколько минут назад она обнимала его, стремясь, чтобы между голыми телами, лежащими на песке, совсем не оставалось посторонней материи. Ни капли воды, ни молекулы воздуха, ни частицы сомнения в полной и всепоглощающей близости. Но потом этот прилив нежности отступил, бесшумно схлынул и она вдруг представила, что когда-нибудь, и возможно довольно скоро, не так уж трудно снова стать чужими людьми. Обмениваться учтивыми приветствиями, встречаясь на лестнице к морю и не знать, как пронзительны уколы страсти, заставляющие дрожать, доводящие до судорог.

А потом они сидели на её зелёном платке, пили терпкое вино, прикладываясь по очереди к бутылке, снимая послевкусие с губ друг друга и ожидая рассвета, который всё не наступал.

«Люди как камни на берегу, — сказала она, когда первый луч прорезал туман над водой. — Смотри: кажется, лежат себе неподвижно и ничто не может их сдвинуть с места».

Он сделал ещё глоток, оставил опустевшую бутылку, обнял за плечи и склонил покорно голову.

«Но приходит волна и накрывает их, а потом, когда вода отступает, от прежнего расположения может не остаться и следа, все переместится, — продолжала она. — А некоторых будет и вовсе не найти, унесет на глубину...».

Запоздавшее солнце вырвалось из-за горизонта. Ночной туман таял.

«Я волна, я унесу тебя отсюда», — прошептала она.

«Нет. Ты, наверное, медуза, и уплывешь вместе с волной, стоит только тебя выпустить», — сжал он её руки.

«Может быть и так, — усмехнулась она. — Но тогда, при прощальном взгляде на меня, вы окаменеете».

Она никак не могла выбрать, как обращаться к нему — между «вы» и «ты» пролежала непреодолимая пропасть из нескольких поцелуев. Каждый приближал что-то такое, чего они оба поначалу опасались, старались не говорить об этом вслух и даже не думать. Только однажды она написала на песке «ты пожалеешь, что не сделал этого».

Безразличная волна, накатываясь на песчаную отмель, не спеша слизывала по слову, так что в конце оставалось лишь «ты». Она сочла это брудершафтом, но иногда, обжигаясь холодным взглядом, снова становилась бесстрастной леди с изысканными манерами.

«Ты пожалеешь, что не сделал этого...», — сказала она, неожиданно для самой себя.

«Пойдём», — протянула она руку мальчику. Тот послушно встал, отряхнулся от песка и подошёл.

Пройдя несколько метров до узкой лестницы, петлявшей по обрыву, женщина ещё раз обернулась к дому. В окне было темно и пусто.

В глубине комнаты в инвалидном кресле сидел мужчина, вспоминая как несколько лет назад, встретив незнакомку, прогуливающуюся ночью по берегу и осторожно, стараясь не спугнуть, спросил ее имя.

Она назвалась Эмилией и вздрогнула, когда он прикоснулся к её руке. И потом вздрагивала так всякий раз, просыпаясь в его объятьях и прижимаясь, будто пытаясь слиться с ним в единое целое.

Она звала его в свою жизнь, которая протекала где-то вдали, как бурная полноводная река. Но он ощущал себя судном, крепко стоящим на якоре в спокойной бухте. Однажды он проводил рейсовый теплоход, на палубе которого стояла тень той прежней, ночной Эмили. А следующей ночью, крепко выпив и, решив освежиться, прыгнул со скалы, навстречу волне.

Рабыня

...Она очнулась от стука открывающейся двери. От истощения ее пошатывало. Мир вокруг то и дело терял резкие очертания. Звуки накладывались один на другой, создавая многослойное эхо.

Она даже не могла вспомнить сколько дней, или недель провела в этой комнате одна. Прислушиваясь к тяжёлым шагам, она пыталась представить, что будет дальше, что ждёт ее теперь, когда он вернулся.

Хозяин неторопливо вошёл, но казалось, не обратил на нее никакого внимания. Уселся в кресло, достал пачку сигарет, закурил. От тяжёлого табачного дыма ей стало ещё хуже. Жажда, которой она страдала так долго, навалилась новым приступом острого желания ощутить хотя бы каплю влаги.

Он не замечал ее страданий, или делал вид, что не замечал. Извлёк из холодильника пивную банку, щёлкнул крышкой. Тихое, едва слышное шипение показалось ей оглушительным.

Оставаться в сознании становилось все трудней. Когда она смогла вновь сосредоточиться на происходящем, он уже вышел из комнаты и стоял в туалете. Дверь была раскрыта. Она отчётливо услышала звук расстегиваемого замка молнии на брюках, потом раздалось звонкое журчание, которое, казалось, никогда не закончится.

Жажда вгрызалась в нее изнутри, буквально выкусывая последние капли. В этот момент она оказалась бы рада даже жидкости, льющейся сейчас в нескольких метрах от неё. Если бы он только знал об этом. Если бы представлял, на что она готова...

Вернулся. Подошёл. Совсем близко. Она чувствовала его дыхание. Слышала как поскрипывает половица под его тяжелыми ботинками. Казалось, ещё мгновение и она вздрогнет под его рукой, наконец-то получив то, чего так ждало ее измождённое хрупкое тело.

В это мгновение она снова ощутила свою абсолютную беспомощность и покорность, готовность принять любые муки, отсутствия сил противостоять его непредсказуемости, равнодушию, жестокости...

Он отступил на пару шагов. Посмотрел невидящим взглядом, рыгнул пивным перегаром, так будто находился в комнате совершенно один. Посмотрел на часы и, видимо, остался не слишком доволен: приходилось куда-то спешить.

Спустя минуту дверь за ним захлопнулась. Но этого она уже не помнила — забытая маленькая герань, засыхающая на окне.

До звезды

— Т..вы кто? — строго спросила Катечка у незнакомца, который вдруг появился рядом с ней. Сначала она хотела сказать «ты», но потом подумала, что в сложившейся ситуации вопрос лучше сформулировать более официально. Сложносочинённое местоимение, прозвучавшее в результате, вышло не очень убедительным. Ситуация же, в самом деле, была туманная, потому что предыдущее воспоминание Катечки об окружающей обстановке никакого незнакомца не содержало.

Катечка хорошо помнила, как пришла сюда с подругами выпить шампанского по поводу возвращения одной из них из поездки к морю. Помнила, что для укрепления бодрости духа, размягченного сладким игристым, она несколько раз заказывала кофе с коньяком, Причём коньяк постепенно становился преобладающим компонентом.

В воспоминаниях также присутствовали несколько коктейлей. А ещё — стремительно, сигарета за сигаретой — исчезающий любимый розовый Glamour. И телефон, переключённый в режим вибрации. А что ещё было делать, если в этом баре на окраине было так шумно, что никакие телефонные звонки не имели смысла.

Теперь из всего этого реквизита в новой сцене оставались лишь телефон и Катечка. Подруги исчезли в неизвестном направлении, коктейли были выпиты, сигареты выкурены, столик убран, вероятно, официантом, а громкая музыка стихла, будто отдалившись на второй звуковой план.

Сперва Катечка подумала, что мужчина, материализовавшийся в непосредственной близости от

неё за то время, пока она пребывала в изменённом состоянии сознания, и есть официант. Но тут же поняла, что к обслуживающему персоналу он не имеет отношения. Во всяком случае, обслуживающему персоналу этого бара.

— Кто такой? Чего надо? — раздраженно повторила Катечка, стараясь впредь избегать сомнительных местоимений. Она была уверена, что с незнакомыми мужчинами лучше всего говорить поостроже. Для большей убедительности она встряхнула головой, отбрасывая чёлку, но тут же пожалела об этом резком движении — перед глазами закружились не большие, но яркие и многочисленные звёздочки.

— Ну, вот теперь у вас нет сомнений в моей необходимости, — проговорил мужчина, придвигаясь немного ближе.

— Ещё какие! — напряглась Катечка, пытаясь контролировать сокращающееся личное пространство. — Я вас не знаю. И только не надо мне предлагать выпить на брудершафт!

— Нет, конечно, нет, что вы, — задумчиво произнёс незнакомец. — Пить нам никак нельзя. Это было бы непрофессионально с моей стороны — пить во время работы.

— Ага... работы, — протянула Катечка, краем глаза наблюдая за мужчиной. Более полное наблюдение не представлялось возможным в связи с возвращением в поле зрения звёздного хоровода.

— Кем работаете?

Незнакомец посмотрел на неё с некоторым удивлением.

— Вы никогда раньше не пользовались нашими услугами? — спросил он, доставая откуда-то небольшой чёрный блокнот. Катечка молчала, размышляя

как проще всего избавиться от этого странного поклонника. В том, что мужчина пытается таким образом свести с ней знакомство, Катечка уже не сомневалась. Однако, никакой симпатии незнакомец у нее не вызывал, даже несмотря на все коктейли.

— Вы можете мне доверять абсолютно во всём и обращаться в любое время, — доверительно сказал незнакомец и, вынув из блокнота пластиковую карточку, протянул Катечке. Жёлтые буквы, напечатанные на карточке так, что они казались объёмными, складывались в слова «Звездюлье первой категории». Ещё два ряда букв были помельче и разобрать их Катечка не смогла.

История обретала какой-то дополнительный уровень сложности, готовности к которому Катечка не чувствовала. Поэтому она решила уйти из этого заведения как можно скорее и решительно встала. Точнее попыталась. Но, испытав головокружение, осторожно присела обратно на диван. Звёзды перед глазами закружились с утроенной энергией.

— Вот видите, как неприятно, когда вы лишены контроля над ситуацией, — покачал головой незнакомец. — А теперь смотрите внимательнее, пока попробую всё исправить. Для начала хотя бы в первом приближении.

Он открыл свой блокнот на страницах, которого оказалось что-то похожее на плоские кнопки и сделал несколько движений. В голове у Катечки прояснилось, а звёзды перестали беспорядочно кружиться. Вместо этого они выстроились в аккуратную рамку и выжидающе подмигивали. Незнакомец улыбался, наблюдая за ее реакцией.

— Вы зачем это залезли в мою голову?! — надвинулась на него Катечка, ощутив прямую связь

между действиями этого непонятного звездюлье и вдруг наступившим затишьем в своих «звёздных войнах».

— Что вы, я же не самоубийца, — незнакомец неожиданно стал серьезным. Об этом можете даже и не просить. Это исключено. Из таких походов ещё ни один не возвращался. Я буду с вами, но не в вас.

— Зачем? — выдохнула Катечка, чувствуя, что попала в серьёзный переплёт.

— Это уж вам виднее, — закрыл блокнот незнакомец. — На сегодня, пожалуй, хватит.

«Что он имеет ввиду... — размышляла Катечка. — Чего хватит — звёздных фокусов? Или коктейлей? Или...»

Размышления прервал подошедший официант.

— Простите, но мы закрываемся, — показал он на часы над стойкой бара. На табло мерцало 02:02.

— Да, самое время, — согласилась Катечка. — Я уже ухожу, а этот молодой человек ещё наверняка захочет выпить чашечку кофе.

— Какой человек? — спросил официант.

Катечка обернулась и обнаружила, что снова сидит за столиком одна. Незнакомца нигде не было.

— Да, был тут один, наверное, вышел куда-то, — пробормотала она официанту, поглядывающему на нее с любопытством. Потом встала и направилась к выходу. Ее никто не преследовал, голова была ясная, походка твёрдая. На ходу открыв сумку, чтобы спрятать в нее телефон, Катечка обратила внимание, что всё это время сжимала в руке карточку, полученную от незнакомца.

«Звездюлье» — перечитала она непонятное слово и положила карточку в карман. Тяжелая дверь

бара неожиданно легко открылась, выпуская её в ночную свежесть.

— Ну, наконец-то! — услышала она голос за спиной, после того как сделала несколько шагов. Незнакомец снова оказался рядом.

— Да, чуть не забыл, — сказал он, как показалось Катечке, почти не открывая рта. Скоро ожидается звездопад, так что будьте осторожнее.

— С чем? — уточнила Катечка.

— С желаниями. Ну, вы же знаете все эти штучки: падает звезда — загадай желание, и всё такое.

— Суеверия! — фыркнула Катечка.

— Кому как, — усмехнулся незнакомец. — У вас суеверия, а у нас работа. Одна из самых сложных. Загадать-то просто. А вот исполнить так, чтоб никого искажениями не накрыло, это и звездюлье не каждый сумеет. Во всяком случае, в одиночку. Так что вы уж поскромнее. Хотя бы на первый раз.

Катечка посмотрела в небо. Звёзд не было. Ни одной. Чернота от крыши до луны тусклой, будто выгоревшей за день на солнце.

— У меня желаний как звёзд, — успокоила она незнакомца. — Видите, сколько их на небе? Ни одной! Вот так и с желаниями.

— В том-то и дело, что тут на земле всё именно так, как на небе, — вздохнул звездюлье, — Вы, как вам кажется, ничего не видите. А все звёзды, тем не менее, на месте. И только ждут момент, чтобы засветиться по полной. Точь-в-точь, как ваши желания.

Эти нравоучительные рассуждения чем-то напомнили Катечке беседу с одним знакомым психотерапевтом, и она снова ощутила по отношению к незнакомцу раздражение, появившееся ещё в баре.

Она посмотрела вверх. Звёзды горели, как ни в чём ни бывало.

— Кажется, уже падают... — сказал мужчина, проводив взглядом пару звёзд, которые действительно покатались куда-то вниз.

— Отлично! — ответила ему Катечка, и ей вдруг очень захотелось избавиться от этого сопровождающего и просто вернуться в начало вечера, который не предвещал ничего подобного. «Чтоб никаких умников, и никаких звездюлей!» — подумала она.

Какая-то звезда покинула небо вслед за предшественницами, а на ближайшем фонарном столбе вдруг что-то сверкнуло и заискрилось. Катечка, вдруг пошатнувшись от головокружения, присела на стоявшую рядом скамью и зажмурилась. А когда она снова открыла глаза, то обнаружила что сидит в баре за столиком, на котором валяется едва открытая пачка сигарет Glamour.

— Ждёте кого-то? На сколько персон накрывать? — дружелюбно поинтересовался официант, подошедший с бутылкой шампанского.

Катечка медленно подняла голову, постепенно убеждаясь в реальности происходящего и пытаясь разглядеть время на часах над стойкой.

— Нет, никого я не жду, — ответила она. — И этого не надо, — показала она на бутылку, — это по ошибке. Принесите, пожалуйста, стакан водки.

Зелёная кровь

Несколько лет Мария жила одна, и уже начала привыкать к одиночеству. Приходила домой после своей надоевшей работы в канцелярском магазине, долго сидела в старом кресле, вспоминая, как прошел день, обдумывая какие-нибудь небольшие хозяйственные планы. Пересадить кактус в горшок покрупнее, выстирать занавески, сходить за продуктами. Ничего особенного. Обычные мысли обычного человека, не пытающегося ставить перед собой больших целей, просто проживая день за днём.

Она даже готовила нечасто, предпочитая перекусить по пути домой в кафе неподалеку. Правда, иногда случалось какое-то особое кулинарное настроение и тогда Мария долго возилась на кухне, понимая, что аппетит уже прошел, но продолжая приготовление задуманного, будто по инерции.

В детстве у нее была большая красная кукла неваляшка, которая как ни наклоняй ее круглое туловище, все равно непременно принимала своё прежнее положение. Теперь она казалось самой себе такой куклой, раз за разом совершающей привычное движение, выпрямляясь и продолжая начатое.

Картофельные очистки падали в раковину, картофелины — в кастрюлю с водой. Как вышло так, что Мария порезала палец, она даже не заметила. Только почувствовала вдруг движение горячих капель по руке. Бросила нож и потянулась к крану — промыть порез, взглянуть — не нужно ли перевязать. Тут же вспоминала, а есть ли бинт в коробке из-под обуви, служившей домашней аптечкой. А потом вдруг остановилась, и мысли тоже замерли, хотя обычно суетились как муравьи и не поддавались управлению.

Мария стояла, склонившись перед краном, и не отрываясь смотрела на свою руку. По руке текла струйка ярко зелёного цвета. Мария зажмурилась. Потом открыла глаза. Цвет крови не изменился. Застучал в висках пульс. Мария сжала запястье раненой руки, подошла к шкафу, неловко достала бинт, принялась перевязывать порез. Суетливые мысли куда-то исчезли. Происходящее напоминало сон. Через несколько минут кровотечение прекратилось, так что о нем напоминал лишь бинт, сквозь который отчётливо проступало зелёное.

Утром Мария позвонила в магазин и сказала, что заболела, так что на работу не выйдет и ждёт врача. Потом выпила чашку несладкого чая и вышла из дома. За полчаса она добралась до госпиталя и встала очередь к окошку регистратора. Хмурая девица, выдающая пациентам талоны на посещение врача, посмотрела на нее сквозь стеклянную амбразуру, словно пытаясь сразу поставить диагноз, но, видимо не сумев разгадать причину обращения, спросила у Марии документы. Та протянула свой паспорт, пытаясь сформулировать то, что нужно было сказать.

— Я порезалась... — выдавила она в конце концов. Регистратор непонимающе уставилась на нее.

— Вам в травмпункт?

— Нет, я порезалась вчера... — постепенно обретая дар речи, проговорила Мария. — Сейчас уже все нормально.

Девица за стеклом молчала, нетерпеливо постукивая пальцами по странице журнала регистрации.

— Я бы хотела выяснить, что у меня с кровью.

— Направление на анализы? — С облегчением выдохнула регистратура. — Какие? На сахар? Липидограмма?

— Нет, нет... — съежилась перед неизбежным признанием Мария. — Мне надо выяснить... Разобраться... Почему она зелёная.

— Кто зелёный? — недоуменно посмотрела на нее девица. — Вы про кого рассказываете?

— Я — про себя. У меня... — Мария чувствовала, что окончательно теряет силы и уверенность. — Кровь оказалась зелёная. Вчера. Надо же узнать, что с ней не так, то есть со мной...

Теперь регистратор смотрела на Марию с опаской.

— Зелёная кровь? — переспросила она. — А со зрением как у вас? Может быть, вам к окулисту сперва, проверить — не путаете ли цвета случайно?

— Нет, не путаю! — сказала Мария и почувствовала вдруг себя совершенно нелепой, увидев будто откуда-то сверху, из-под потолка саму себя, стоящую в приемной госпиталя и пытающуюся объяснить то, чему нет и не может быть никакого здравого объяснения.

— Простите, я завтра зайду, вы мне талончик дайте... к терапевту, — произнесла она, слыша свой голос, словно со стороны. Спрятала картонный квадратик с номерком в сумку и вышла из госпиталя, не поднимая глаз и чувствуя, что больше не вернется сюда.

— Карл, послушай меня пожалуйста... Со мной произошло что то очень странное... — позвонила она вечером сыну.

Перед этим весь день Мария провела дома, переставляла книги в шкафу, заварила чай с мятой, собрала веником паутину в углах кухни, а в мыслях

все отчётливее складывалась картина возможного будущего.

Приём у какого-нибудь медицинского светила, на который придется потратить немалую часть сбережений, подтверждение уникальности её зелёной крови, а потом — множество анализов, процедур и неизвестно чего еще.

Мария представляла себя подопытным живым существом, в которое вопьются бесстрастные взгляды исследователей и ей становилось страшно, как когда то в детстве, когда мать оставила ее в процедурном кабинете наедине с дородной медсестрой, собиравшейся вколоть ей прививку.

Представлялись и родные, прежде всего сын, который наверняка бросит свою работу за границей, куда выбрался с таким трудом, примчится домой и станет смотреть на нее с сожалением и сочувствием.

К вечеру в квартире стараниями Марии, пытающейся отвлечься от своих предчувствий, установился едва ли не идеальный порядок. А в голове созрело решение.

Где-то за много сотен километров молодой программист Карл вслушивался в голос матери и опасался, что она сейчас скажет ему нечто такое, что совершенно разрушит его планы на ближайшие несколько месяцев.

— Что случилось? Ты заболела? — осторожно поинтересовался он, и за то время пока эти слова дошли до Марии, она окончательно отчётливо поняла, что ее странное открытие не принадлежит больше никому, а только ей одной — обладательнице этой крови аномально зелёного цвета, которой и предстоит жить с этой странной особенностью, стараясь никого не беспокоить.

— Что? Что случилось? — Карл терял терпение.

— Ты не представляешь... — вздохнула Мария.

— Я целый час искала очки, а они были у меня на лбу... Ну как дошла до такого состояния... Переживаю, как бы ещё чего не забыть...

— Ну, разве это странность? Что же тут странного, мама? Да, я сам забываю, что собирался сделать всего час назад. Подумаешь, очки... А хочешь, я спрошу тут у врачей, наверняка есть какие-то таблетки для улучшения памяти, куплю и тебе и себе, будем пить вместе...

Он был доволен шуткой, и тем, что не произошло ничего страшного, и что всё может происходить, как намечалось... Интересный проект с перспективой постоянной работы в крупной компании, пара приятных уикэндов с подругой...

— Да не надо таблеток, — Мария вышла на балкон, прижимая телефонную трубку плечом. Внизу было безлюдно, только пара мальчишек на самокатах, да бездомная собака, уже несколько дней обитающая во дворе.

— Это наверняка очень дорого, так что не надо, не покупай. Я попробую сама, тренировать память можно разными упражнениями. Почитаю специальные книжки. Если опять не потеряю очки...

— Хорошо, всё будет хорошо. До связи! — Карл отключился.

Мальчишки во дворе укатили за угол. Собака тоже куда-то исчезла.

Мария вернулась в комнату, посмотрела на себя в зеркало и вышла из дома, наскоро набросив плащ. Она шла по вечерней улице и улыбалась редким прохожим, пытаясь угадать, какими тайнами они никогда не поделятся.

Куркума

Экран телевизора подмигнул и погас. Такое случилось уж не впервой, так что Куркума не слишком огорчилась этой неисправности шумного электроприбора. По опыту прошлых поломок, телевизор каким-то образом восстанавливался на следующий день и снова начинал говорить и показывать свои бесконечные страшные новости. Куркума слушала их вполуха и думала, что сама похожа на этот телевизор. То вовсе ничего не сообщает и будто бы отключается, едва добравшись до своей старой кровати с тёплым стёганным одеялом, то снова оживает, испытывая прилив сил и принимаясь за неотложные дела.

— Куркума! Выходи! — дразнились соседские дети, заглядывая в окно. А она всё опасалась, как бы ни бросили чего — спичку или что-нибудь ещё не менее опасное. Окно на всякий случай было защищено капроновой сеткой, приколотой кнопками к деревянной раме. Но разве это преграда для сорванцов.

— Куркума! Ты где?! — кричала маленькая рыжая девчонка — явно заводила в детской дворовой компании. Откуда взялось это странное прозвище — Куркума не могла понять, но вот уже много лет слыша его от соседей, привыкла и смирилась. Куркума так Куркума. Что ж, бывают клички и похуже.

Каждый вечер она выбиралась из своего маленького деревянного двухэтажного дома, примостившегося в самом конце квартала, стремительно застраивающегося новыми зданиями. Прогулка была недолгой, но необходимой. Нужно было купить немного еды в магазинчике через дорогу и покормить бездомную пятнистую кошку, которая обычно встречалась ей по пути возле большого ореха. Куркума

была уверена, что кошка ждёт её и не могла обмануть несчастного зверя.

Однажды Куркума подумала, что кошка вполне могла бы жить на втором этаже её дома. Сама она туда всё равно никогда не поднималась и лестница на второй этаж была давно завалена всяким хламом, убрать который не было никаких сил. Но разве это помешало бы кошке...

Впрочем, дальше размышлений дело не пошло — кошка так и осталась на улице под орехом. «Может быть потом, ближе к зиме, попробую как-нибудь приманить её, — думала Куркума. — Пусть бы переждала холода в доме, на улице-то ещё неизвестно, доживёт ли до весны».

Часть кошачьего корма, который Куркума покупала для своей питомицы, часто оставалась в пакете и принося его домой, она высыпала остатки в стеклянную банку на подоконнике. «На чёрный день», — приходила ей в голову мысль, но каким он будет этот день, Куркума старалась не думать.

Однажды утром она почувствовала себя совсем ослабевшей. «Ну а что поделать — старуха», — успокаивала она себя, пытаясь подсчитать свой возраст. Выходило то ли 80, то ли 90 лет. Разница немалая, но практического значения в этот момент не имевшая. Вечером Куркума не вышла из дома, оставшись лежать в ожидании, пока словно её телевизор, восстановит силы и включится снова. Но сил не прибавилось и на следующий день.

Куркума пила воду, набирая её в металлическую кружку и подогревая на электроплитке. Аппетита не было вовсе. Но дойдя до окна, она увидела на подоконнике стеклянную банку с кошачьим кормом и машинально взяла в руку несколько гранул. Так,

как она делала, собираясь покормить ореховую кошку. Гранулы остались в руке, когда она вернулась в постель. «Попробую хоть, чем там кормят этих кошек», — подумала она некоторое время спустя во время очередного прояснения сознания. Корм оказался солоноватым на вкус и напоминал засохшие кусочки колбасы.

— Куркума, выходи! — детские голоса стали вдруг гораздо громче. За окном было ослепительно светло. В приоткрытую форточку задувал ветер. С крыши текла вода, время от времени падали комья мокрого тающего снега.

— Выходи Куркума! Всю зиму тебя не видели, — кричала рыжая девчонка, стараясь попасть снежком в окно. Куркума встревожилась и хотела подойти, выглянуть, погрозить, но подоконник вдруг оказался где-то очень высоко.

Куркума сжалась в комок от страха, ощущая себя очень странно и беспомощно. Сделала несколько шагов и вдруг неожиданно для себя прыгнула на окно. Она едва смогла уцепиться за подоконник. Пустая стеклянная банка полетела вниз и разбилась.

— Смотрите! У Куркумы котёнок! — рыжая девчонка запрыгала от восторга при виде маленького существа, показавшегося в окне заброшенного дома. Куркума выглядывала в окно, всё казалось ей чужим и незнакомым. Зато в теле появились силы, так что хотелось бежать куда-то, прыгать и казалось даже, что она может забраться на дерево. Капроновая сетка на окне легко поддавалась.

— Ловите его! Он убегает! — закричала рыжая. Котёнок спрыгнул с форточки, перебрался через забор, отделяющий старый дом от улицы, и припустил к большому ореху.

Перевозчица

«Для вас перемещения по этой карте в ближайшие 48 часов запрещены!»

«Да пошла ты, знаешь куда!»

«Будете хамить — вызову охрану».

Вот и весь разговор. Разве я похож на хама? Да я ещё в детстве не мог набраться смелости, чтобы отнять у других мелких красивую машинку. А они с ней играли, будто напоказ. То дверцы откроют. То включают фары. Представь, у этого маленького автомобильчика можно было зажигать фары. И поворотники! А я сидел с чьей-то старой куклой. Дёргал её за голову вверх-вниз. Пока не оторвал.

Давай свой червонец — перевезу, почти бесплатно выйдет. До самой Набережной Революции 2117 года. Знаешь, сколько берут за такой маршрут? Ты какая-то странная, откуда у тебя этот жёлтый плащ? Вчера на перекрёстке возле ратуши какая-то девка — вот в таком же балахоне так врезала подвыпившему коту, что тот аж согнулся от боли. Только не говори, что это была ты. Та, что врезала, была толще. Чуть ли не вдвое. Но плащ такой, как у тебя, да.

Только не вздумай тут курить. Недавно один друг уселся и давай сразу распаливать свой окурочок. Вонючка такая, что до сих пор как вспомнишь — тошно. А я страшно не люблю всякой блевоты. Так что даже освежителями воздуха не пользуюсь. Хрен их знает, что они там намешали в этом баллончике. Может, ещё хуже, чем твои сигареты что-нибудь. Короче, сиди спокойно, 48 часов можно и без курева продержаться. А потом я улечу, а ты кури что хочешь, хоть сухой свиначий хвост.

Так вот, про ту, что у ратуши. Она потом, как ни в чём ни бывало, пошла дальше к Медузье́й площади. И походка такая, знаешь, вверх-вниз. Не то чтобы вообще вся. Но некоторые части неукротимо колышутся. Даже через плащ. Да, в самом деле, что я к этому плащу привязался.

А знаешь, ты его сними. Вот и повода вспоминать эту дрянь не будет. Зачем тебе сейчас плащ? Вода не капает. Никто не украдёт. Баба в двери — жди потери. Да, это уже про другое поговорка. Раньше я их много знал. На все случаи были — крутились прямо в памяти. А теперь только иногда удаётся так ловко вспомнить, чтоб в разговор вернуть. Ну, и реакция у многих на такие шутки другая стала. Раньше ляпнешь чего удачно, все скалятся добродушно, настроение вроде как приподнялось, уже не такая злоба вокруг. Теперь чем ни весели — всё равно в любой момент пулю могут всадить. Особенно, когда у тебя руки заняты.

Если тебя даже ухвачу — не думай чего такого. Вторую руку в ход пускать не буду. У меня вон под ней старый *mapurhin* семьдесят три. Бьёт без осечек. А однорукий-то чего я тебе сделаю? Особенно, когда ты в этом чёртовом плаще.

Что ты молчишь? Про револьвер это просто к слову. Чтоб не боялась. Хочешь, тоже буду молчать. Вот если снимешь плащ, вообще больше ни слова не скажу. Что, серьёзно так хочешь, чтобы я заткнулся? Давай, давай. Обещал — так и будет. Ну, ты закалённая. Плащ на голую задницу носить. Не ожидал. Ну, всё, молчу, молчу...

Стоп, а куда мы движемся? Вбивали маршрут до набережной, а это что за дерьмо? Не врубаюсь, куда это свернули? Там — часа полтора назад — был

какой-то маячок, только я не обратил внимание. Может новый канал открыли. Не могли же вычислить так быстро, что карта битая. Ты, если вообще невмочь – кури, шут с тобой. Я бы тоже покурил иногда, если честно. Но эти искусственные лёгкие... Их, когда меняли в очередной раз, так предупредили, что в случае чего такого – свернутся в момент. До техцентра не успеешь. Так что пока обойдусь.

Смотри-ка, рука дрожит. С чего бы... Вот попробуй. Чувствуешь какая вибрация? Аж на корпус передаётся. Я же предупреждал, что одной рукой могу себе позволить и дотронуться. Ну, как дотронуться... Вот так, к примеру. Тебе что там на набережной, кстати, нужно? Или свидание с кем? Там – в семнадцатом, конечно, кого только нет. Можно найти кота любого цвета. Только имей ввиду, оттуда мало кому удаётся свалить с добычей. Вечно по пути какая-то дрянь случается. Я вообще дальше пятнадцатого стараюсь не высовываться. После там на каждом углу кровавая каша. Никакой manurhin не поможет.

А если вот так, ты мне руку не откусишь? Я же почти молчу. Это, считай, что язык жестов. Вот этот жест что значит? Не знаешь? А этот? Э..., я и правда боюсь, что укусишь. Глаза у тебя какие-то бешенные.

Если тебе так удобнее, то давай, конечно, устраивайся как хочешь. Времени ещё полно. Шучу. Хотя. Какие тут шутки, да? Электричества в тебе много. Нужно какое-то заземление. Или громоотвод. Но заземление лучше. В громоотвод, если что может ещё больше прилететь. Так что это я тебя заземляю. Вручную можно сказать. Рискуя собственным потенциалом. Вчера слушал радио Питона. Так там – в

новостях — говорилось про сбои в рейсах. Может, собирались к неандертальцам, а попали на костёр инквизиции. Как-то так. Но всё по прошлому. С будущим, говорят, всё чётко отлажено.

Что ты так застыла? Я же осторожно. Нежно. Стоп, кажется, догадался. Для тебя эта набережная — прошлое, да? То есть, ты вообще из хер знает, какого промежутка, до которого нам не добраться? Я как рыба. Не сдам, не думай. Я вообще считаю, каждый может катиться туда, куда хочет. На все шестнадцать измерений. А всех этих таймеров — слать куда по-дальше. Я сегодня одну такую послал. «Перемещения запрещены...» Ну уж нет. Видал я ваши шлагбаумы!

Вперёд, так вперёд. Да, ты разогрелась. Говорил же, можно и без плаща обойтись. Это проще, чем одной рукой пользоваться. Одной рукой — это же как смотреть одним глазом. Никакого объёма. Плоское изображение. Хотя, нет, не плоское. Это я зря, конечно. Беру свои слова обратно. Крутой ландшафт. Вверх-вниз... Раздолье для ландшафтного дизайнера. И такое устье — не оторваться.

Сейчас глупая мода пошла — всюду фонтаны устраивать. Чуть что — сразу фонтан. Хотя, может и охоты нет особой. А мне бы лучше небольшой ручеёк. Струится потихоньку, журчит. Вот это звуки жизни. Фонтаны недолговечны. Насосы, электричество, вечно засоряющиеся трубки, да ну их. Шум, плеск, а потом тишина. Вечный покой.

Хочешь — забирай свои деньги. Думаешь, я из-за какого-то червонца в эту историю вляпался. Может, у меня на жёлтый цвет реакция ненормальная. Как увидел твой плащ, забыл про запреты. Лишь бы под него забраться. Вроде получилось, а дальше не

знаю, чем обернётся. Руку можешь хоть вообще никогда не отпускать. Считай, теперь твоя она. Делай с ней, что хочешь. Даже не помню, как так вышло. Дрожь была, точно. Такое дело, передаётся запросто. Смотри, как дрожишь.

По-моему, мы на месте. Но это такое место, в котором можно сколько угодно зависать, а всё мало будет. На набережную нужно ещё? Мне — нет. Мне вообще сейчас никуда не надо. Пистолет разряжен. Так уж вышло. Руки занемели. Обе. Каждая по-своему. А результат один. Обезоружен. Нечем отразить твоё наступление. Только договаривались же — не кусаться. Это я на всякий случай.

Кто сейчас маршрут пробивает? Не пойму, что творится. Задержка рейса. Откуда у тебя пульт управления? У тебя же под плащом вообще ничего не было, не то что пульта.

Наверное, пора отдохнуть. Мы куда-то не туда свернули. Сделать паузу и назад — по маякам, выйдем по-любому. Нет причин для паники. Хочешь двигаться дальше — дело твоё. Но там что-то такое, отчего время останавливается.

Умеешь двигаться в остановившемся времени? Вверх-вниз... Верх — вниз. И ещё вниз. И дальше... До самого дна. Хорошо. Там — хорошо. Там не нужно дышать. И думать. Просто тонуть. Молча. Да, я помню, что обещал. Я же не хам какой-нибудь. Я с детства слова красивые запоминал. Чтобы сказать потом при случае. Помню, выучил слово антиутопия. И ещё одно — индульгенция. До сих пор не пойму, что это такое. Там что-то про грехи объясняется, которые отпускают. Так я и не держал их никогда. Чего их при себе таскать. Пусть валят, куда вздумается. Они — свободные. Я — свободный. Ты — свободная.

Ну, ты-то только до набережной. Там тебя от свободы сразу освободят. А мне уже всё равно. Будет. Наверное. Не знаю. Да. Хочешь ещё? Откуда у тебя этот пульт? Это ведь муляж, да? Купила в магазине игрушек, попугать котов... А я почти поверил!

Надо же так — и не пошевелиться. Будто связан. Не только по рукам. Но и по ногам уже. Не ожидал. Вовсе. Куда теперь? О да, в этом канале мы ещё не путешествовали. И он точно не приведёт нас в сто семнадцатый. Я просто сплю. Это просто сон. Такого не бывает. Давай включим радио. Как раз ночные новости. Ты может, пока, всё-таки покуришь?

Слышь, какие дела! Опять при невыясненных обстоятельствах исчезла чья-то капсула. Эти таймеры вообще охренели — говорят, дескать поиски прекращены в связи с невысоким индексом человеческой ценности обладателя капсулы триста шестнадцать дробь сто пять миллионов четыреста шесть бис.

Чёрт, это же мой номер...

Карусель

Красивая карусель. Ты просто красивая карусель. Крутишься с утра до ночи. Катаешь малолеток.

Некоторые, набравшись пива, блюют. Некоторые пытаются не заплатить. Один недавно выпал, переломал себе ноги. Но тебя это не волнует.

Они подходят каждый день — всё новые и новые. Таращатся на твоих — верблюда, лошадь, слоника и дельфина. А потом каждый выбирает, на кого влезть.

Почему-то больше всего хотят забраться на дельфина. Чтоб потом вдруг ёбнуться с него вниз и визжать, привлекая внимание к своей неуклюжей персоне. Это же так охуительно — слететь с дельфина на глазах у публики. И все напрягаются — не разбил ли этот недоумок башку? Но нет — ни одного кусочка мозгов не видно. Едем дальше.

Ты же просто карусель. И твой создатель не Эдгар По, а какой-то давно уже развалившийся заводик по производству аттракционов. Где-то в его полуразрушенном цеху ржавеет ещё одна такая же точно карусель. Её не успели продать, да так и бросили.

Только дельфина там нет. Его выломал и унес кто-то из окрестных фермеров. Поставил посреди грядки. Такое, блядь, украшение.

Почему-то этот старый мародёр не выбрал лошадь. А знаешь, почему? Просто потому, что отломать лошадь было бы вчетверо сложнее. Она прикреплена за каждую из своих четырёх ног.

Конструктор карусели поленился пустить её в галоп, оставив понуро плестись, упираясь в землю всеми копытами. А дельфин — всего лишь на одном

плавнике. Словно так и просит, чтобы его вырвали и вынесли из этого старого цеха, от этой ржавой карусели, которая никогда уже не сдвинется с места. Пусть даже на поле, где растёт кукуруза.

Дельфин в кукурузе — почему бы и нет. Тому дельфину, на котором катаются малолетки, кукуруза достаётся только в виде просыпавшегося попкорна. А тут — целое натуральное кукурузное море. И при этом никакая задница не пытается сесть сверху.

Но ты не завидуешь дельфинам. Ведь ты же просто карусель. Красивая, манящая карусель...

Оба

Скрх–скрх – хрустит что то в коленях. Это я пытаюсь присесть. Десять раз. Ну, нет. Четыре, и с меня хватит. Ноги болят, будто прошёл марафонскую дистанцию. А тут ещё она всё время понукает – давай быстрее. Так и до утра не закончим. Хотя, по мне, действительно можно отложить это всё до утра.

И вообще, кому нужны сейчас эти обои. Всё идет к тому, что, чем проще выглядит помещение, тем лучше. Голая кирпичная кладка, покрашенная сверху, как придётся, и чем попало – вот образец современного стильного дизайна интерьера. Но нет, ей подавай эти полосатые обои с маленькими розовыми цветочками!

Шут с ней, цветочки так цветочки. Всё равно малолетний отпрыск через пару дней изрисует всё, куда дотянется своими ручонками. Пускай потом все любят на измалёванные цветочки и полосочки.

Перекур! Законное время для мрачных мыслей. Но пора приниматься за дело. Вон уже отрезала следующий кусок из рулона этой крашеной бумаги, каждый квадратный метр которой стоит дороже, чем галлон пива.

Моё дело в сущности маленькое. Раскатывать эту красоту валиком. Давить её, что есть мочи, выжимая воздух из-под приложенного к стене материала. Вверх – вниз. Вверх – вниз.

Если поменяться ролями, то когда она станет двигать валиком, подол её платья тоже на месте не останется. Вверх – вниз – вверх. Эй, смотри–ка внимательнее! Там наверху что-то отстаёт. Прижим по сильнее. Как следует, покрепче! Да, да. И стой так

пока что. Надо же, чтобы всё как следует приклеилось. А я пока займусь своими делами.

Сейчас... Только вытру руки от этого клея, который как ни старайся, всё равно стекает по рукоятке валика прямо в рукава. Сейчас ты почувствуешь... Стой, стой — там, наверху ещё не всё прихватило. Скрхр... Чёртовы колени, только сейчас ещё не хватало этого предательского хруста. Надо было сделать радио погромче. Заодно и соседей порадовать шубертовским вальсом си минор.

Чувствуешь, какая сложная техника. С эти валиком такое дело — надо быть сосредоточенной. Чутко прислушиваться к ощущениям, чтобы всё шло ровно. И зачем ты натянула эти чёрные стринги — в такую-то жару. Этот блядский клей, кажется, протёк от валика через тебя насквозь. Ещё и нагрелся. На вкус — дрянь конечно, но чего не стерпишь ради евроремонта.

Знаешь что, пожалуй, там наверху уже всё в норме. Можешь проверить, конечно. Ещё разок. Вниз — вверх — вниз. Да-да вот это то, что надо. Иди сюда, моя киска! Вальс закончился. Теперь, кажется Бах. Полонез. Хорошо, что мы нашли эту станцию с классической музыкой. Не то, что все эти твои диджеи с тупыми басами, от которых чувствуешь себя чугунной тумбой, которую спустили с лестницы. Послушай, какая славная мелодия. Тоже вполне ритмичная. Прямо как ты.

Да, вот такой, сука, сбивчивый ритм. Ничего не поделаешь. Да не дергайся так. Стринги могут полежать в лотке с клеем ещё несколько минут. Пока мы не кончим с этим рулоном. Осталось уже немного. Да хер с ними — там кто-то стучится в дверь. У нас,

кстати, не заперто. Вот это жопа! Да, прости за грубость. Но я в переносном смысле.

Кажется это твой чувак. Тот, за которого ты собиралась замуж. Хуёво видно лицо из этого положения, прости. Хочешь, скажу ему, что я — из школы ремонта. Ну, типа все претензии к продюсеру. Такой вот, сука, сценарий. Чё мы могли поделаться? Нас подставили. И снимали скрытой камерой.

Ну всё, проехали. Просто сосед по площадке заглянул и свалил. Понял, что некстати. Вот это мы сели в лужу. Сскрх... скрх... Надо сменить позу. Так я долго не протяну с этими коленями.

Можешь дотянуться до приёмника? Сделать погромче. Не знаю, что за сюита. Я тебе что — музыковед? Кто я тебе вообще? Нормальный вопрос. Сперва дай только понять просто, кто я. Более сложные взаимосвязи — как полёт на Юпитер. Полететь можно. Вернуться не факт. Вверх-вниз, вверх — вниз.

Эти обои — самое то, что нужно для такой комнаты. Выбор отличный. Твой отпрыск даже не подойдёт к ним со своими фломастерами. Точно говорю. Будут целехонькие. Хочешь будем клеить ещё? Хоть до самого утра. Я готов, разводи клей.

Только один перекур. И закрой, наконец, эту дверь. Сама знаешь, обои — это такое деликатное дело. Малейший сквозняк и все наши старания — просто в пизду.

Жук

– Он преследовал меня до самого входа в дом! Пытался забежать вперёд. Отрезать путь к отступлению...

– Маленький жук? Зачем ему нужно тебя преследовать?

– Как ты не понимаешь!? Он только кажется маленьким жуком. На самом деле он хозяин этого мира.

– Тогда почему он не приходит ко мне?

– Он ведь у нас один на двоих, понимаешь? Если он со мной, то значит у тебя его нет. Он принимает любые обличья. Возможно, завтра он будет выглядеть как яблоко. А вчера был тем чёрным котом, что сидит на окне по утрам. Помнишь?

– Тогда с ним нужно просто поладить!

– Как ты себе это представляешь? Поладить, к примеру, с яблоком...

– Тогда просто съешь его и дело с концом!

– Хорошо. Я попробую. Только ты будь, пожалуйста, на связи. На всякий случай.

– Только не забудь зарядить телефон, чтобы он не отключился в самый неожиданный момент.

– А если он уже принял вид телефона?

– Тогда твоя забывчивость может ему не понравиться.

– Когда ты прилетишь?

– Наверное, завтра утром. Будь готова, малышка! И не запирай дверь в спальню.

Ромеа фыркнула и отключила звонок. Вечно он вламывается к ней ещё до того, как запищит будильник и будто бы пытается разыграть сцену из какого-то порнофильма с пробуждением от оргазма. И, как

правило, неудачно. Может быть, в этот раз что-то получится.

Она включила систему дезинфекции пространства в спальне и подошла к столу, где были разложены страницы рукописи. Оставалось перевести ещё около двух десятков. Перевод шёл тяжело. Древний язык оказался сложнее, чем она думала вначале, когда только взялась за эту работу.

Приключения главного героя, сперва живо заинтересовавшие её, чем дальше, тем больше превращались в унылые скитания по заброшенному лабиринту. Выбраться из него можно было, лишь став самому создателем нового. Но как это сделать, ещё только предстояло выяснить в следующей главе. Хорошо бы перевести её сегодня. Но для этого потребуется порция крепкого кофе.

Система дезинфекции заполнила спальню сероватым туманом. В наушниках рокотала Metallica. «Make his fight on the hill in the early day...» *

Он прилетит утром. Он обязательно прилетит, войдёт в дом неслышно, как он это умеет, и попытается забраться в постель, даже не снимая своей униформы. От него будет пахнуть едкой гарью и бензином. И ещё чем-то непередаваемым.

Джульет перезарядил автомат и выпустил ещё одну длинную очередь по летящей мишени. И снова промазал. На тринадцатом уровне мишени уменьшались и двигались по непредсказуемой траектории. Ночные занятия по стрельбе после полуночи превращались в настоящую пытку. Постоянные изменения

*«For Whom The Bell Tolls».

силы тяжести и давления, вой учебных сирен, взрывающий тишину, перепады температуры — инструкторы были изобретательны. От гвардейских стрелков требовалось сохранять свою эффективность в любых условиях. К тому же этот звонок вывел его из равновесия. Нелепая история с жуком вообще выходит за всякие рамки здравого смысла. Кажется, она там вообще уже сходит с ума со своими переводами странных фантастических рассказов. Надо было успокоить, конечно. Меньше шуток, больше понимания. И пора как следует разобраться, что там творится у неё на острове. Хотя по утрам обычно полный порядок. Только кот на окне. Есть в нём что-то неприятное. Так и всадил бы очередь. Но пока — только мишени. До утра ещё пять часов и пять уровней. А потом полтора часа полёта и остров.

В кармане комбинезона Ромеа нащупала несколько монет. Как раз пригодятся — хватит на кофе в автомате. Она вышла из дома и огляделась. Вокруг никого. Дорога к центру острова пустая. До захода солнца ещё не меньше часа. В воздухе кружится пара стрекоз. Нужно только зашнуровать ботинки и можно отправляться в кофейную экспедицию. А что если поехать верхом на жуке? Для этого нужно только вообразить его. Примерно такого, как накануне, когда он испугал её своим появлением на пути к дому. Кажется, лучший способ преодолеть страх — пойти ему навстречу. Правда, сейчас почему-то совсем не страшно. Что страшного может быть в жуках? Ну, давай, появляйся!

Первыми в воздухе появились полупрозрачные лапы. Потом поблёскивающий панцирь...

– Иди ко мне! Эй, жук, ты слышишь? Я буду кататься на тебе, а ты – повезёшь меня куда захочу. Это расплата за мою панику!

Жук приближался. Он оказался гораздо крупнее, чем она его представляла. Гораздо крупнее. Но это не беда. Главное забраться сверху. Избежав соприкосновения с этими цепкими лапами, которые стараются схватить её. Прильнув к гладкому панцирю, оказавшемуся на удивление тёплым, она вдруг ощутила нежность и спокойствие.

Джульет отпустил штурвал и пошёл на снижение. Топлива явно не хватит до острова. Придётся искать промежуточный источник на нефтяных станциях. Их впереди ещё как минимум три. Вот, кажется и одна из них. Если бы не туман, можно было бы сесть прямо на верхнюю палубу. Нет, дело даже не в тумане. Верхний ярус заняли военные катера. Эти будут заряжаться долго. Чтобы потом двинуться разносить вдребезги очередную неправильную планету. Да, надо же включить опознавательные сигналы, чтоб не расстреляли в упор, как террориста, и искать место для дозаправки. Придётся лететь к нижним разъёмам, а потом долго выруливать обратно между кабель-мачтами. Ещё минут на двадцать позже долететь до острова. За это время она может проснуться и никакого... Что за странное оживление на ближнем катере. С чего бы это на заправке выдвигалась орудийная башня? Что происходит? Опознавание же включено. Чёрт, сейчас одним гвардейским стрелком станет меньше...

Жук шёл ровно и покорно. Ромеа направляла его, держась за рог, хотя и сама не верила в то, что происходит. А когда они добрались до кофейного автомата, жук исчез. Без предупреждений и пояснений. Просто растворился в воздухе также как и возник. Ромеа постояла немного, оглядываясь в изумлении, потом подошла к автомату и достала монеты. Но опустить их в автомат не успела. Монеты исчезли у неё с ладони также, как перед этим исчез жук. А через несколько мгновений начал растворяться в воздухе и сам автомат, оставляя только запах кофе и лёгкой гари. Как будто расплавилась электропроводка и сейчас случится короткое замыкание. Ромеа вдруг ощутила себя персонажем какого-то сюрреалистического мультфильма. Окружающий мир быстро терял привычные очертания. Только бы вернуться домой. Если там, где был раньше дом, не окажется пустое место. Она развернулась и вдруг поняла, что в этом новом изменчивом мире больше не было направлений. И куда идти стало совершенно всё равно — вокруг кружились исчезающие очертания всего того, что ещё недавно было прочным и устойчивым. Ромеа закрыла глаза. И очнулась.

После того как сработала катапульта, кнопку включения которой он всё же успел нажать, Джульет превратился в одну болевую точку, летевшую куда-то в бесконечность. Боковым зрением он видел как на том месте, где висела его машина, раздувается пылающее облако от прямого попадания. И понимал, что даже в случае если контрольного выстрела не будет, шансы выжить в капсуле катапульты

без помощи равны нулю. А помощи не будет. Там, на острове, как говорила Ромеа, есть хозяин мира. Какая несправедливость. Эй, хозяин, иди ко мне — ты нужен здесь и сейчас. Хоть в виде жука, хоть в виде яблока... Он попытался пошевелиться в пространстве капсулы. В кармане куртки что-то давило в бок. Он нащупал и вытащил яблоко. Кажется, это она засунула его ещё во время прошлой встречи. Яблоко оказалось твёрдым и очень кислым. Так что свело челюсть. Впрочем, яблоко, возможно, было уже ни при чем. Индикатор запаса кислорода тревожно замигал.

Сознание возвращалось к ней. Ромеа поняла, что лежит в постели. В комбинезоне и ботинках. Не одна. Он лежал рядом. Ничком. В своей грязной амуниции. Не шевелился. И, кажется, не дышал. Она задрожала, предчувствуя что-то. Попыталась перевернуть его. Потянула к себе за плечо. Попыталась нащупать руки, неловко подвернутые куда-то под грудь. В ладони было зажато надкушенное яблоко. За окнами что-то загрохотало, стекла разлетелись, покрывая пол осколками. Система дезинфекции воздуха захлебнулась заползающим в комнату дымом и обессилена зашипела. В разбитое окно запрыгнул кот. Ромеа судорожно сжалась. Джульет всё также неподвижно лежал рядом. Она прильнула к нему, вцепившись в кожаную куртку, вдыхая знакомый запах. Куртка выскользнула из-под её рук, принимая иную форму. Там где только что был Джульет, теперь просыпался, обретая свои округлые черты, огромный чёрный жук.

Стены комнаты оседали. За ними была бесцветная пустота. От её острова больше ничего не осталось. Она обняла гладкий панцирь, словно пытаясь нащупать хотя бы какую-то реальную опору, и нечаянно включила наушники.

«For whom the bell tolls

Time marches on

For whom the bell tolls», – всё также пел Джеймс Хэтфилд.

Она откинулась на подушку. Захрустели бумажные страницы. В мягкую ткань оказались вмяты несколько листов рукописи, которые она собиралась перевести накануне.

«Я так и знала, что ты найдёшь меня, хозяин этого лабиринта...», – было написано на одной из них её почерком.

Комар с балконом

У меня в комнате завёлся комар. Эка невидаль. Возможно, залетел в окно. А может и просто материализовался в пространстве в результате чьей-нибудь мысли. Подумал кто-то: наверняка тут где-то комар, как не быть комару? И вот он, пожалуйста. Кружится, пока не устанет. Как устанет – отдыхать садится на потолок или стену. А потом снова кругами, да зигзагами. И в общем-то не слишком злобное насекомое попало, аппетит так себе – слабенький. Укусит, ну может быть, пару раз за ночь притом аккуратно, не так по хамски, ненасытно, как некоторые себе позволяют. Но выявилась одна особенность. Комар оказался не просто комар, каких множество бывает. У комара балкон обнаружился. Не так, чтобы большой, но всё же балкон достаточный для общения нескольких собеседников. Вот они и повадились на комарином балконе разговоры вести.

Просыпаешься рано утром, а там уже какие-то дамы беседуют о своих кавалерах. Одна говорит: вот мой, дескать, позавчера как пошёл на охоту, так до сих пор ни слуху, ни духу. То ли кабан его затоптал, то ли сам как свинья где-нибудь... Другая ей – про свои заботы в ответ. Про споры относительно цвета дивана в гостиной. Хочу, говорит жёлтоватого оттенка с сиреневенькими цветочками. А он – сатрап эдакий, привёз из крокодиловой кожи!

Тут уже, видимо, сам комар слушать подобное утомился, перелетел в другой угол помещения, такой вираж заложив, что дамы куда-то разлетелись. Но вскоре на их месте уже новый кружок. Любители гимнастики собрались комплекс упражнений обсуж-

дать, да трубки покуривать. Во время спортивных занятий – то курить, известное дело, не стоит, а вот на балконе – отчего же и нет...

В общем, кого только не довелось повидать на балконе. Бывало, даже известные особы заходили. Такие, что имена упоминать и неловко – всё равно не поверите. А сегодня гляжу – кто-то знакомый на балкон вышел. Стоит один. Не курит. Никого не ждёт. Даже по телефону никому не звонит и не пишет. Просто стоит себе безмятежно, видом с балкона наслаждается. Эге, думаю, да это же я. И точно. Он самый. Помахал я себе рукой приветственно. Но чтоб окончательно удостовериться в своей личности, спрашиваю у себя – а комар у тебя есть? А то как же – доносится с балкона. Ещё какой комар, со всеми коммунальными удобствами, отоплением и связью.

Вот как – думаю... Хорошее дело, лишняя жилая площадь не помешает. Лишь бы тарифы не выросли. А то ведь могут крови попортить.

Хлебное дело

Вышел я утром из дома. За хлебом. Некоторые, конечно, уже вовсе без него обходятся — кушают без хлеба и не бледнеют. Другие сами печь пытаются. Я же по старинке — в магазин. Хотя путь и не близкий. Дороги у нас неважные, снегом занесены, торговых мест немного, так что собрался в дальний маршрут. Но, к обеду, думаю, вернусь. Будет у меня свежая булка. Чего ещё желать.

Иду, думаю о разном, припоминаю — запер ли дверь, выключил ли газ, воду и электричество. И вдруг картина перед мысленным взором — у меня же на верхней полке ещё половина булки вчерашней осталась. Экая досада — зря пошёл-то оказывается. Хорошо ещё и половины пути не проделал. Надо поворачивать. Ведь тот хлеб, что дома — его же надо сперва употребить. А даже если зачерствел малость, то и всё равно ничего. Можно порезать аккуратными ломтиками, да на сковороде запекать в барсучьем жире. Вкуснее свежего получится. Вот только спички надо купить — огонь разжигать.

Спички необходимый предмет, а есть ли дома их достаточное количество — не упомнишь. Может быть и есть, но как бывает при розжиге — одна сломалась, вторая не зажглась, у третьей головка серная обсыпалась — глядишь и коробок пуст, и огня нет. Кусай потом локти. Так что спички лучше купить в запас. Хотя они совсем в другом магазине, который ещё дальше, чем булочная, причём в другом краю нашей местности. Но делать нечего — пошёл. значительно уже продвинулся, но устал тоже изрядно. Так устал, что голова болеть стала. С больной

головой особо не помаршируешь. Надобно бы принять болеутоляющее средство.

Помню к юго-западу если пройти ещё чуть — аптека имеется. Добрался до неё, не помню как, из последних сил. А там говорят: извините — переучёт у нас. Подождите часик, откроемся и всё, что пожалеете продадим — хоть грелку, хоть градусник, хоть горчичники — чего ваша душа болезная попросит.

Присел на кучу листьев опавших по осени, да присыпанных снегом, жду. Пока ждал, голова то болеть и перестала. Вот совершенно, напрочь боль прошла. Ну, думаю, нечего тогда и ждать открытия аптеки. Неизвестно ещё успеют ли, как обещали, за час управиться. Опять же — траты лишние. Нынче любая таблетка на вес золота. Так и ушёл без лекарства. Думал за спичками дальше направиться, да вспомнил ещё, что есть ещё зажигалка, так что в крайнем случае с её помощью огонь разжечь сумею. Стало быть, можно смело домой.

Домой дорога, как известно, всегда, короче. Пришёл довольный, как всё удачно сегодня сладилось. И аппетит нагулял. Сейчас вот как раз хлеба поджарить. Заглядываю на полку, а булку-то мою оказывается, мыши съели...

Жёлуди внутри

Прошлой осенью я посадил дуб. Трудно сказать, зачем я это сделал. Точнее, причин может быть много, но ни одна из них не похожа на главную. А ведь обычно среди множества различных причин какая-то выделяется. Вроде бы все не такие уж решающие, пока не появляется она.

Так вот, в истории с дубом такой причины я не нашёл и не стал дальше раскапывать эту тему. Подумал, что ничего хорошего из этого не получится. Вспомнил только, что посадку дерева часто называют в числе нескольких основных человеческих дел. Ну, знаете всё эти присказки про построить дом, посадить дерево, вырастить сына... Про них только начинаешь размышлять, сразу почувствуешь себя совершенно несостоятельным — не построившим и не вырастившим. А дуб, хотя и посадил, да и то совсем не там, где живу. Так уж вышло.

Даже если бы я очень захотел посадить дуб именно по месту жительства, то эта затея была бы совсем безнадёжной. На небольшом участке земли, доставшемся мне в наследство от моих родителей вместе со старым домом, для мощного дуба совсем нет места. Так что посадишь его там, а он, едва укрепившись корнями в каменистой почве, станет только мучиться и, возможно, в конце концов совсем засохнет. Такой судьбы я никакому дубу, конечно, не желаю. Там более своему. Наверное, поэтому и получилось так, что я его посадил вдалеке от дома.

Если вздумаешь пойти посмотреть, как он там растёт, то нужно преодолеть расстояние около трёх километров. Не так уж далеко, если представить

себе, что многим до ближайшего дуба идти или ехать гораздо дальше.

Оказавшись в таком месте, где растут дубы, я всегда внимательно смотрю под ноги. Случается, там находятся желуди. Иногда целиком, иногда – по отделимости. Если лежит жёлудь, то где-то неподалёку есть и его шляпка. Нет ведь никаких оснований для того, чтобы жёлудь вырос без шляпки. Или, упав с дерева, откатился от неё так далеко, что не найти.

Тут проблема с другим. Шляпок поблизости может быть несколько. Какая из них подходит именно к этому желудю – не так просто выяснить. Сделать это можно только опытным путем. Но когда остановишься под дубом, усядешься на землю и станешь примерять шляпки на желуди, то вряд ли проходящие мимо с пониманием отнесутся к этому занятию. Скорее всего, подумают что-нибудь нехорошее, попытаются найти такому чудачеству объяснение. Редко когда в поисках объяснения люди придумывают что-то приличное. Наоборот, чем несуразнее предположение, тем более правдоподобным оно кажется в таких непривычных случаях.

С желудёвой примерочной один вариант другого хуже. Если взрослый человек сидит и примеряет шляпки на жёлуди, он либо ненормальный, либо играет с сыном. А раз сына поблизости не видно, остаётся только один вариант. Так что наличие ребенка, конечно, бы исправило ситуацию. Но раз уж нет, то и говорить тут не о чем.

От детей в дубовой роще одни хлопоты. Могут запросто потеряться, или упасть и подвернуть ногу, или потащить в рот какой-нибудь совсем не съедобный гриб. Ну, и конечно, набить полные карманы желудей.

Понятное дело, из них можно смастерить много чего интересного. Для детского рукоделия жёлуди — очень полезная вещь. Немного фантазии — и вот это уже не желудь, а какое-нибудь существо. Четыре спички снизу — ноги, одна сверху — шея, на нее ещё один жёлудь поменьше — вот уже готова маленькая лошадка. Когда спички ещё новые и вставлены правильной стороной — то прямо с копытцами. А если спичек много и не жалко, да к тому же есть ножик, чтобы их заострить, тогда можно изготовить целого ежа или дикобраза.

Мне такой удачи не выпадало. Когда на урок труда в школу потребовалось нести для поделок пластилин, желуди и каштаны, то у меня оказалось всё кроме желудей.

Каштанов было сколько угодно — они росли по соседству. Были доступны. Даже зимой. Как следует разгребашь грязный снег, и можно найти какой-нибудь завалящий каштан. А уж весной они так и перекатывались под ногами.

Некоторым не везло — они падали не на тротуар, а на проезжую часть. И гибли под колёсами машин. Но оставшихся мне хватало, чтобы сделать серьёзные каштановые запасы. Беда оказалась в том, что при всем их симпатичном виде, для поделок каштаны оказались материалом неблагодарным. Сооружаемые мной лошадки с туловищем и головой из каштанов выглядели страшными монстрами и все время падали, как ни старайся укрепить их устойчивость пластилином. Да и проткнуть каштан даже с помощью шила оказалось совсем не так легко, как податливый желудь.

В итоге я безнадежно отставал от сверстников в процессе создания поделок. Счастливые облада-

тели желудей, где-то разжившиеся этим богатством, творили целые конюшни и зоопарки. Но, увы, не делились ни единой шляпкой. Я же сидел со своими опостылевшими каштанами и мял пластилин разных цветов так, что, в конце концов, из твердых, аккуратных, ярких прямоугольничков он превращался в тёплую жидкую кашу. Грязный комок неопределённого цвета, внутри которого были спрятаны бесполезные каштаны.

Не помню, как я продержался эти несколько занятий. Потом поделочная пора постепенно пошла на убыль. Появились новые задания, лобзики, фанера. Только тоска по желудям осталась вместе с каштанами где-то внутри того пластилинового коlobка.

Однажды, казалось, появился шанс все исправить. Утром родители повезли меня в дубовую рощу. Это было серьёзное приключение. Нужно было собраться, будто в большой поход. В сумку-рюкзак аккуратно укладывались бутерброды, и банка с компотом, и ещё какая-то нехитрая еда. Дорога, кажется, заняла половину дня в вагоне, грохочущем на стыках рельсов, а потом пешком — по незнакомым улочкам, неожиданно обрывающимися прямо перед почти лесной опушкой. И, наконец, поиски под дубами. Безуспешные поиски, которые принесли лишь несколько полуистлевших желудёвых тушек.

Так вот бывает — стремишься к чему-то и уверен что оно ждёт тебя в любой миг, стоит только тебе, наконец, захотеть и смочь до него добраться. А когда это всё таки случается, вдруг оказывается, что спешить уже некуда. На том месте, где был когда-

то объект страстных желаний — уже пусто. Время ушло.

Этот подвох ещё не раз может подстергать путешественников во времени, когда они установят на таймере своего хронолёта нужный год из прошлого или будущего. Перенесутся в этот момент времени и окажутся в космической пустоте. Ведь планета, вместе со всей звёздной системой непрерывно перемещающаяся в космосе, уже давно улетела из этой точки, или ещё не пришла в нее. В общем, скафандр с достаточным запасом кислорода и космическое питание в таком случае будут очень полезны.

Скафандра в дубовой роще у меня не было. А что касается питания, то кусок не лез в рот после такого столкновения с реальностью. Времена года проявили свою принципиальность, и каштаны так и остались основным и единственным природным материалом для моего детского творчества.

Мне кажется, что если в мои руки и попадётся теперь несколько желудей, вряд ли уже сумею сделать из них что-то занятное.

Но все же, иногда вечером добираясь до моего дуба, я стану всматриваться — нет ли в траве вокруг него маленькой коричневатой шляпки.

Август, 2019 года

Колыбельная история про летающего ежа

Однажды маленький ёж, который жил в норе под большим деревом, проснулся раньше обычного. Ежи пробуждаются в сумерках, чтобы поохотиться в темноте. Такому правилу следуют даже небольшие ежи, хотя охотниками их ещё не назовёшь. Однако в этот раз ёжик выбрался из своего жилища, когда было ещё совсем светло.

Он зажмурился и хотел было спрятаться обратно, но услышал странные звуки. Прямо напротив выхода из ежиной норки сидела какая-то разноцветная птица и щебетала на разные голоса.

Птичий язык юный ёж понимал с трудом. Так что смог разобрать только призыв лететь в какие-то далёкие страны, где никогда не бывает страшных холодов.

Ёж призадумался: холода он не помнил и поэтому не боялся. Однако интерес к путешествиям испытывал. Однажды даже добрался до самого края леса, за которым протекала река. Преодолевать водную преграду ёж тогда не решился и благополучно приковылял домой к утру.

Пока он вспоминал свой поход, птица вспорхнула и подлетела совсем близко. Ежу даже показалось, что она вот-вот клюнет его, так что пришлось съёжиться. Но птица оказалась настроена вполне дружелюбно. «Повторяй за мной», — прощёлкала клювом птица и растопырила крылья.

«Хорошо говорить — повторяй!», — фыркнул ёж. Но на всякий случай попробовал повторить птичий жест своими неуклюжими ежиными лапками. И тут же в тревоге поджал их обратно. Под колючей шкур-

кой происходило что-то необычное. Он снова развёл лапы и увидел, как из под колючек ...раскрываются небольшие, но упругие перепончатые крылья.

Ёж сперва встревожился, а потом испугался не на шутку. Он свернулся в клубок, как учили его взрослые ежи в случае любых непонятных происшествий, и отполз, а точнее, даже откатился назад.

В уютном полумраке норы ёж немного успокоился, походил из угла в угол и убедившись, что ничего страшного с ним не происходит, высунулся наружу. Птица ещё сидела, будто дожидалась. Едва ёж появился из норы, она взлетела на ветку повыше и принялась наблюдать за ним.

Ёж вскарабкался на пригорок, и принялся: опасностью пока не пахло. Пахло свежим ветром и чем-то ещё — незнакомым, но нестрашным. Ёж повторил движения лапами. Крылья появились, как и прежде. Страха пока не было, и с каждым взмахом они немного увеличивались и становились крепче.

Осторожно привыкая к непривычным ощущениям, ёж попробовал представить себя взлетающим и сделал несколько сильных взмахов.

Лапы оторвались от земли, и он неуклюже качаясь из стороны в сторону, перелетел через какую-то корягу.

Куда подевалась птица, ёж, увлекшийся своими летательными упражнениями, даже не заметил. После многочисленных тренировочных полётов ему удалось вполне сносно держаться в воздухе и даже набирать высоту, позволяющую преодолевать небольшие препятствия. Незаметно ёж приближался к реке — той самой, до которой когда-то добирался долго и бесстрашно.

Теперь река оказалась гораздо ближе. На берегу валялись большие камни, на одном из которых ёж

расположился на отдых. Полёты оказались весьма утомительным делом. Но силы восстанавливались быстро и он решил...

Река, казавшаяся непреодолимой, в то же время будто притягивала к себе.

Примерно на середине ежу показалось, что долететь до другого берега не удастся. Он представил себя в ледяной воде и задрожал. Как ни странно, именно эта дрожь каким-то образом позволила ему сделать ещё несколько взмахов. Он набрал высоту и спикировал к стремительно приближающемуся противоположному берегу. А потом долго лежал, тяжело дыша, и с трудом понимая, что произошло.

Перелёт оказался не напрасным. Здесь росли крупные сочные ягоды, которые утолили и жажду, и голод. Насытившись, ёж уснул и проспал всю ночь. Проснувшись от утреннего холода, он принялся вспоминать, всё, что случилось накануне, и вдруг услышал птичий крик. Птица, которая учила его махать крыльями, снова была рядом.

Ёж хотел было поблагодарить за науку и показать, чему научился. Он побежал к реке, подпрыгивая и ожидая появления крыльев. Берег закончился, пришёл страх и крылья не появились. Ёж в ужасе зажмурился, не переставая перебирать лапами, и приготовился тонуть. Вода оказалась очень холодной, но твёрдой. Даже твёрже, чем берег. А ещё — довольно скользкой. Так что после ещё нескольких прыжков ёж, потеряв равновесие и страх, всё-таки полетел. Сначала кувырком а потом на наконец-то появившихся крыльях.

До норы он добрался совершенно измученным и разбитым. «Всё, больше никаких полётов! — дал он сам себе ежину клятву. — Крылья — это не для

меня!». Так он твердил весь день. И ещё один. И ещё... Почти не вылезал из норы, ёжился и старался даже не думать о птице, которая, наверное, была где-то поблизости.

Но однажды на рассвете, она привиделась ежу в предутреннем сне. Они кружили вместе между белыми облаками, не испытывая ни тревоги, ни страха падения.

Выбравшись из норы, ёж ещё не до конца отличал сновидение от реальности. На этой границе он вдруг почувствовал себя свободным и сильным. Со стороны реки дул свежий ободряющий ветер. И ёж поймал его крыльями, которые больше не исчезали, потому что прежние страхи как ветром сдуло. Пролетев несколько метров, ёж, не спеша возвратился к норе и пошёл спать, больше не боясь проснуться бескрылым.

Имиджмейкер для киви

*«Я видел сон – цвела сирень,
и ты – в объятьях питбультерьера»
«У-д».*

Она совсем маленькая. Она просит о помощи. Её образы спутались и изнасились. Она не может летать. Она киви. Мы выходим из арки, освещённой желтыми фонарями. Кажется, уже ночь. Или просто очень сумрачно, как это всё чаще случается теперь на этом острове, стремительно тающем под натиском тумана. Но наш маршрут пока не нарушен оползнями, уносящими хрустящие небоскрёбы один за другим.

Мы движемся по узкой извилистой тропе, проложенной между старыми хижинами. Когда-то здесь была жизнь. Старые собаки зевают у полуразрушенных изгородей. Брошенные хозяевами, они остались зимовать на привычном месте. В тумане почти безопасны и стараются ничем не проявлять своего присутствия. Но киви дрожит. На ней почти нет одежды. Маленькое чёрное платье, обвисшее и растянутое. Замшевые сапоги. Белый берет.

– На кого я похожа? – вздыхает киви.

– Какая разница? Ты же сама не собираешься оставаться собой навечно.

Ей опять нужен новый образ. До утра. Чтобы успеть на рейс и не остаться за бортом, не пройдя фейс-контроль. Её руки теплые и влажные. Каждый шаг даётся с трудом. Несколько глотков из фляжки с кисловатым голубым эликсиром. Скорее завинчивай крышку – каждую секунду испаряется сорок микрослоёв. Короткий отдых на скамье у входа в

парк. Выше ноги от земли — в траве копошатся зеленые змеи. Пока они ещё малы, но к утру достигнут приличных размеров.

— Это ты их распустила,— напоминаю я.

— Думаешь, так просто уследить за каждой тварью?

— Не думаю. Но ты же знаешь, что здесь будет завтра...

Уходим к востоку, оставляя за собой древесный шлейф её любимого Escentric Molecules. Уже скоро от него не останется и следа. Киви станет иной.

Серое здание выплывает из темноты. Гофрированные трубы и разноцветные провода тянутся от него судорожно пульсирующими щупальцами. Я обрезаю их одно за другим жирными мазками тиондигло. К боковой стене жмётся банкомат, подмигивая желтым светом. Киви подходит к нему и глаза её становятся такими же жёлтыми. После того, как бронированный ящик будет вскрыт, она вытащит из него всю бумажную душу.

— Ты взорвёшь его, наконец? — кричит она.

— Нет, он открывается проще, — я сажаю её на банкомат, притягиваю к себе и осторожно кусаю за плечо. Она стонет и вибрирует.

Когда с кодами доступа покончено, киви получает желаемое. Она складывает пачки купюр в аккуратную пирамиду на тротуаре. Где-то высоко в слоях тумана возникает стрекотание вертолётa. Звук приближается, вызывая икоту.

— Ему нужны посадочные огни! — смеётся киви и щёлкает зажигалкой. — Сейчас! — Пирамида вспы-

хивает. Банкноты горят с ядовитым шипением, распространяя едкий запах.

После четверти часа бега трусцой мы останавливаемся возле небольшого чёрного грузовичка. Осторожно обходим машину, чтобы убедиться, что водитель крепко спит, откинув сиденье. Когда он проснётся, он не вспомнит ничего из того, что было этой ночью. Киви смотрит на него сквозь лобовое стекло. Водителю снится сон, в котором она ласкает его грубо и страстно. Прикосновение губ замыкает контакты памяти. Клубок воспоминаний начинает разматываться. Секс на пляже. Первая брачная ночь в Zoo Berlin. Завтрак включён. Прыжки с парашютом, лесной пожар, сажа на белом кителе, падение с эстакады. Бесконечная ночь в запертом доме. Узлы на запястьях. Кровь, боль и страх. Маленький заводной грузовик таранит плюшевого медведя. Треск рвущейся ткани. Хриплый крик. Тишина.

Киви стоит, широко расставив ноги. Живот подтянут. Мышцы напряжены. Зрачки расширены. Ещё несколько секунд и мы исчезаем в тумане.

Свет фар ночного автобуса выхватывает нас из небытия. Два билета до Липового бульвара. Она снимает остатки платья и ложится спиной на кожаные сиденья. Сейчас ей можно всё. Автобус въезжает в тоннель. Мы набираем скорость. Киви держится за поручень и дрожит. Шторы на окнах задёрнуты. Какие-то растения пробиваются сквозь них. Я пробую желтоватые стебли на вкус. Протягиваю киви. Она впивается в них зубами. Сок капает на грудь, начиная разъедать татуировку в виде лемура. Он лишается хвоста и трясётся вместе с киви. Её дыхание обжигает. Я утешаю лемура, зализывая его раны. Автобус тормозит. Мы проваливаемся в открытые

двери, не доехав до места назначения. Киви ещё на несколько минут остаётся частью меня. Нам нужна новая скатерть. На нашем столе пролито так много вина и кетчупа. Но в этом ресторане не дозовёшься официантов.

– Пойдём отсюда – смотри-ка – это окно ведёт именно туда, куда нам нужно.

– Уверен? – спрашивает киви.

– Конечно, нет. Но другого выхода нам не видать.

Два пролета пожарной лестницы. Дверь в комнату полуоткрыта. Место в спальне кто-то уже занял. Но мы не торопимся. Мы ищем новые образы. Худая брюнетка в розовой ночной рубашке? Да, хотя бы и так. Но только пусть снимет эти дурацкие очки. И, умоляю, не пей этот ликёр – он тебя полнит.

Брюнетка стонет всё громче. Киви вливается в неё до краёв и выплескивается ледяным душем. Я пытаюсь отрегулировать температуру. Да, так немного теплее и приятнее. Нащупываю флакон с гелем. Приходит ощущение свежести.

– Мне пора лететь. Ты скоро? – спрашивает Киви.

Ей тоже хочется. Она смывает с себя ночные соки и улыбается.

Путь обратно. Трилогия

1.

Школа леденцов

Нужно просто принять всё как есть. Абсолютно всё. В этом длинном коридоре, который когда-нибудь всё равно закончится. В этом странном созвучии, за-
тихающем так медленно, что кажется вечным. Нужно просто идти. Снова и снова. Красивые ноги. Какие красивые ноги. Ты только посмотри на неё. Зачем она здесь? Чтобы мы узнали о себе больше, чем когда-либо хотели? Прогони её, прошу тебя. Она нас погубит.

Онемевшие двери ещё вчера скрипели на все голоса. Весь коридор. Ты только вообрази! Весь этот проклятый коридор утыкан маленькими узкими дверьми, этими бессмысленными створками так и не родившихся раковин. И каждая издаёт свой звук. Некоторые откровенно фальшивят. Издаваемые ими звуки похожи на кошачий крик. Другие басовито-точные. Так что в целом это напоминает стон выбросившегося на берег кашалота.

На мокром песке остаются отпечатки тела. Чем-то похожие на гербарий. Помнишь, ты закладывал между страницами учебников какие-то листья. Бывает, что они так и не могли высохнуть, а вместо этого прели, попав в переплёт, и мерзко воняли, когда кто-нибудь неожиданно открывал книгу. Особенно часто это случалось с такими странными растениями, у которых были жирные розовые листья с жёлтыми прожилками. Они росли на самой окраине, чтобы дойти до них, нужно было потратить часа полтора. Эти полтора часа тогда просто валялись под ногами. Скулили в траве, будто упрашивая, чтобы

кто-нибудь их растоптал. Вмял каблуками в землю как следует. Чтобы не осталось и пары минут, свободных от унижения.

А двери действительно больше не скрипят? Это она — та, что с красивыми ногами пришла сюда со смазкой. Её смазка заткнула наши двери. Они больше не могут выразить своё страдание, но ведь от этого оно не стало меньше. Ты же знаешь, когда не можешь кричать, становится только больнее. За что она так? И ведь это не случайно. Всё это произошло не просто так. Нет, она подходила медленно к каждой двери. Покачивала бёдрами в такт скрипам, зная, что сейчас убьёт этот звук. А потом опускалась на колени и наступала тишина.

Рано или поздно с нами произойдёт нечто подобное. Выбора нет. Скрип сменится тишиной. В тишине сокрыта единственная гармония. Но, чтобы почувствовать её, нужно долго идти по коридору. Даже когда он кажется бесконечным. Нужно искать то, что ты сам сможешь ощутить на вкус, сжать губами, попробовать на язык. За одной из дверей-створок, быть может, ещё осталось немного перламутрового ночного света, который закипая, превращается в небольшую округлую каплю — жемчужину. Жемчужина застывает, сохраняя в себе чьи-то слова, успевшие прозвучать за мгновение до этого. Они страшнее насекомых застывших в янтаре. Звуки исчезающего мира. Эта капля проникает в тебя, когда ты просто открываешь рот, чтобы вдохнуть глоток воздуха. Начинает расширяться, так что, кажется, сейчас выломает твои зубы. Старые больные зубы. Потом приходит черёд твоей глотки, в которую стекает эта безумная капля. Она-то становится влажной, то снова застывает. Она может стать леденцом, или острым лезвием. Всего

лишь для того, чтобы доказать отсутствие разницы в сладости горячей крови и сиропа с медовой патокой.

Ещё несколько шагов. Откуда здесь столько песка? И чем дальше, тем больше. Серый песок из гигантских разбитых часов. Он скрипит под ногами. Ты слышал когда-нибудь этот странный звук? Все двери плотно закрыты. Никуда не свернуть. Становится тепло. Так тепло, что песок постепенно плавится, стекая куда-то вперёд и вниз липкой тяжёлой бесконечностью. Обволакивает. Готовит к чему-то важному. Когда ты окажешься леденцом в чьих-то губах, теряя себя, слой за слоем растрачивая вкус и воспоминания. Вот промелькнули капли перламутра. Обжигающие узлы на связанных запястьях. Сломанный калейдоскоп желаний. Серая змея автострады на снимках с разбившегося коптера. Мониторы гаснут. Школьные учебники теряют свои обложки, превращаясь в бургеры, расплюснутые тяжёлой задницей соседки по парте на уроке музыки. Год за годом. Назад к рождению мира.

Молчание захлёстывает тугой петлёй. Коридор сужается. Дверей больше нет. Она идёт вперед. Как ни в чём ни бывало. Печатает шаг острыми каблучками. Она не остановится, пока ты ползёшь следом, чувствуя, как губы смыкаются всё плотнее. Воспоминаний уже почти не осталось. Где-то кричат коты. Ты растворяешься в этом крике, жадных горячих губах, мечущихся перламутровых всполохах. Но коридор не кончается. Это кольцо, из которого нет выхода. До тех пор, пока ты ещё сохраняешь свою форму и повторяешь ритмические движения. Вперёд и назад. Хотя, в бесконечном замкнутом коридоре между этими направлениями так трудно увидеть разницу.

2. Карантин

...Теперь ни с места! Видишь эти расплавленные осколки? Ещё вчера они были стеклом. Целым стеклом без единой трещинки. Оно могло занять место в проёме окна и отражать облака. Теперь нет. Ни проёма, ни стекла, ни облаков.

Проходи мимо, чего смотреть? Это вход в бомбоубежище. Сегодня оно не работает. Вход закрыт. Даже если начнётся бомбардировка, ты не спустишься в этот подвал. Там хуже, чем на поверхности. Нужно переждать. Там то, что разрывает даже стекло. Хочешь, чтобы твоё тщедушное тело разнесло вдребезги безо всякой бомбы?

Проходи, там за поворотом есть небольшая автозаправочная станция. Если за кассой будет толстая темноволосая, можешь попытаться пристать к ней. В прошлом месяце наш водитель газового фургона напился с ней так, что не мог забраться в кабину. Что она вытворяла – лучше любой секс-бомбы. А ты всё думаешь об атомной бомбардировке. Проходи, не задерживай. Но если заметишь, как начинает крошиться стекло, можно уже никуда не торопиться. Ты не доберёшься до той заправки. Никуда не доберёшься. У нас карантинная зона.

Стой, ни с места! Поставь обратно этот кейс. Ты же не знаешь, что в нём находится. Ты думаешь, что ухватил немного денег. Ты ухватил шанс на выживание тех нескольких тысяч, которые сидят в том подвале. Да, чтоб мне провалиться, он не пустует. Немного терпения. Каких-нибудь несколько дней и мы узнаем, насколько повезло всем нам. Или им. Не трогай этот чёртов чемодан. Подними руки. Сделай

два шага в сторону. Да, эта штука, которая сейчас у меня в руках, умеет делать так, чтобы никто ничего не вспомнил. А теперь прощай...

3.

Свидетель света

Сначала погасла всего одна лампочка. Из первого круга. Вспыхнула ярче других и перестала светить вовсе. Возникшая тёмная тропинка давала шанс на выход из освещенной зоны. Правда всего лишь во второй круг. Но даже этот осторожный шаг был замечен. Молния появилась как обычно из ниоткуда. Упала камнем из сияющих облаков. Вынырнула спрутом из тёмных глубин. Ударила сверкающим мечом, рассекая надвое мысли о побеге. Обугленные мысли корчились под ногами. Всё вернулось. Новая лампочка заняла место прежней.

Следующие сутки были ослепительны. Напряжение достигло предела. И воссиял третий круг. А потом всё закончилось. Где-то высоко в небе рассыпался искрами облачный трансформатор. Плающий дождь пролился на ледяную землю и мир замер в ожидании. Искать тропинку больше не имело смысла. Под ногами хрустели лампы — больше ненужные и бесполезные. Темнота вступала в права быстро и решительно. Приближалось моё время. Нужно было успеть подняться так высоко, чтобы ничто не смогло укрыться. Ступени казались бесконечными. Провода переплетались, путались под ногами, пружинили, пытаясь оттолкнуться от изменяющейся реальности. С каждым шагом дышать становилось всё труднее. Но когда воздух кончился, оказалось, что без него можно обойтись.

Когда-то в детстве, укрывшись плотным тёплым одеялом, можно было испытать нечто подобное. Воздух, казалось, заканчивался, а на его место приходил сон, полный кошмаров. Они были родом отсюда и двигались неспешно, словно айсберги в полярной ночи вокруг небольшого судна, обречённого быть раздавленным и пропасть в пучине.

Воспоминания о первом круге света давали надежду. Второй круг наполнял силой. Третий отрезал пути к отступлению. Те, что шли следом, хотя давно не существовали в этом мире, не знали этого. Повернуть назад в любой момент, укрыться между страницами старой книги, чудом избежавшей большого костра, остаться виноградной гроздью воспоминаний на старом сухом дереве, скрипящим под порывами тяжёлого ветра. Усовершенствованный часовой механизм оснащён специальным устройством, предотвращающим возможность обратного хода стрелок.

Шоколадная шестерёнка тает, пружина, скрученная из сочной лианы, грозит выпрямиться и стряхнуть с себя назойливых насекомых. Вокруг полно тараканов. Они повсюду. Они выглядывают из невидимой в темноте сахарницы и прогуливаются по карнизу над окном, за которым нет ничего кроме ночи. Они ничего не боятся. Они лучезарны. Потому что они знают: их тоже не существует. Они лишь проекция усталости. Чтобы избавиться от неё достаточно сделать то, что навсегда изменит это пространство, наполнив его безусловным светом. Это произойдёт вечность спустя. А пока нужно просто принять всё как есть.

2018 год

Эксфайлы. За мгновение до форматирования

Прелюдия

Вредная привычка — начинать новый текст в старом файле, где уже прочно обосновались недописанные строфы, нужные телефоны, записывавшиеся когда-то наскоро, чтобы потом так и не быть набранными, куски статей, так никогда и не напечатанных. Не лучшее место для реализации творческих планов, унылое капище. И всё-таки именно там нередко начинается игра в слова, когда мысли бьются, словно из последних сил пытаются найти выход в открытое море из мелководного залива. Выход преграждают острые рифы. Их можно миновать, если двигаться медленно и нерешительно, поминутно осматриваясь по сторонам, выбирая безопасный проход, продвигаясь не спеша, не опасаясь получить обидное прозвище трусливой крысы. Но такая роскошь, как медлительность давно утрачена в этом мире, когда-то эта драгоценность попала в ломбард, став заложником дефицита времени. Неравный обмен. Опрометчивое решение. Лопнувший воздушный шар, в котором когда-то кружилась медная монета. Старая детская забава — засунуть монету в шар и, надув его, заставить вертеться по кругу. Только иногда ребро монеты прорезает истончившуюся оболочку и несётся навстречу главному яблоку любопытного сорванца.

До поры дети совершенно лишены инстинкта самосохранения. Они готовы схватить ежа голыми руками или прыгнуть в костёр, лишь бы удовлетво-

рять неуёмное любопытство. Лишь немногие сохраняют эти качества в более старшем возрасте, оставаясь вечными юнцами, не ведающими сомнения перед тем, как совершить очередной крайне неразумный, с точки зрения остепенившегося большинства, поступок. Открыть старый файл, чтобы начать в нём новое письмо – вот то, что отделяет прежний мир, где пережитые эмоции были преданы забвению, от неудержимого броска навстречу солнцу, постепенно скрывающемуся за горизонтом. Пылающий диск манит в свои объятия, обещая защиту от всепоглощающей тьмы и вечного холода смерти.

В цветочном горшке, где земля, когда-то служившая колыбелью для новорожденной герани, превратилась в безжизненный камень, есть что-то напоминающее первое признание в любви. Чувства, облечённые в оболочку слов, застывают, утрачивают жизненные силы и, в конце концов, каменеют немым укором цивилизации, которая заставила природу отказаться от страсти в угоду культу кастрации. Когда моя черепаха утонет в зыбучих песках, её панцирь ещё долго будет мне сниться, а руны, начертанные на нём, станут заголовками вечерних газет.

В кружке компота, предложенного буфетчицей неопределённого возраста в белой блузе с глубоким вырезом и пятном от кетчупа на левой груди, плавают усталая слива. А красная клякса на белом холме, кровь повстанцев на снегу горного склона, жирная учительская двойка на странице с прописями – всё напоминает тот день, когда ты впервые вошла в мою комнату, чтобы сжечь дотла на–

прасные ожидания само собой разумеющихся побед. Первый удар кнута. Алая струйка — маршрут между носом и подбородком. Из пункта А в болото непунктуальности. Ну что стоило создать новый файл и начать всё с чистого листа!

Слива не помещается в чайную ложечку и никак не хочет покидать свой омут. Буфетчица смотрит в окно, за которым сгущаются влажные сумерки. За столиком в углу застыл единственный посетитель. Перед ним блокнот и бутылка, в которой осталось немного вина. Ты пьёшь только после ужина, когда цикады и сверчки покорно тянут свою лямку оркестрантов-волонтёров, а моцартовская валторна, прочно обосновавшись где-то в районе унитаза, выводит незатейливую мелодию, от которой хочется плакать, спрятавшись под лестницей. Но даже после этого у нас получаются неплохие диалоги.

Ты спрашиваешь, где я шатался такое количество лет. Я рассказываю о перспективах получения тепловой энергии за счёт разности температур на поверхности земли и в её глубине. Ты признаёшься, что прошлой ночью водитель такси целовал внутреннюю поверхность твоего бедра. Мне приходится выболтать страшную тайну непорочного зачатия соседской собаки. Ты снимаешь плащ и сапоги, чтобы забраться с ногами в старое зелёное кресло и превратиться в лягушку. Радиоприёмник хрипит в тёмном углу "Будь со мною нежен и доверчив".

Утром предстоит выйти из дома, чтобы проверить какого цвета окажется небо после того, что мы совершим в эту ночь. Маленькая комета падает прямо

в кружку с компотом и шипит от отвращения при виде сливы. Буфетчица уезжает последним автобусом в пригород. Сегодня там справляет юбилей со дня основания партия любителей сна. Её позиции в парламенте существенно ослабли после широкой рекламной кампании средства от бессонницы, организованного фармацевтической лигой. Цена одной упаковки препарата оказалась меньше суточных членских взносов. Когда мы спали с тобой в кабине колеса обозрения, сон оказался настолько непрочным, что лопнул как презерватив, при эксплуатации которого не соблюдался температурный режим. "Адская жара" — сертифицированные противозачаточные средства для преисподней, оптовые поставки, райские скидки для постоянных клиентов.

Ты закуливаешь сигарету и смотришь на часы. Старый файл был открыт три часа назад. За это время в шахматном павильоне завершился турнир, победителя которого сфотографируют на фоне гигантского коня, высеченного из мрамора, угостят ужином в китайском ресторанчике напротив оружейной лавки и покажут по телевизору. При виде этого доброго усатого малого на экране, подёрнутом паутиной трещин, ты жадно втягиваешь воздух, расширя горячие ноздри, поводишь плечами, избавляясь от невидимых ангельских крыльев, и тушишь сигарету в переполненной пепельнице.

XXX

Сегодня ты — художник. Четыре мольберта по углам мастерской уже пылают синим пламенем. Горючая смесь, которую мы приготовили по старинно—

му рецепту городских партизан, пахнет свежей спермой и резедой. Когда ты рисовала мой портрет, муравьи, взбравшиеся по ножке стула, на котором я сидел, пели гимн тонкими голосами, сливавшимися в один звук, вызывающий зубную боль у соседей этажом выше. Не дождавшись завершения полотна, я отбирал у тебя твои кисти, стягивал парусиновые штаны, в которых ты грунтовала холсты, привязывал тебя к столу и приступал к завтраку.

Однажды ты спросила, отчего зависит мой аппетит. Помнишь, я рассказал тебе, как устроен двигатель внутреннего сгорания и поцеловал в душу? В тот момент душа твоя как раз двигалась в направлении левой пятки, и я настиг её примерно на половине пути. Чтобы потушить пожар, нам пришлось воспользоваться песком. Песок оказался сахарным и превратился в коричневый леденец. Ты сосала его до утра. Ты прекрасный художник, эскизы которого оживают. Ты рисуешь мои кошмары. И сама превращаешься в кошмар, от которого невозможно бежать, когда ты внутри. Я — в тебе — посетитель кинозала, из которого нет выхода. Нарисуй его, чтобы я мог выйти. И войти в тебя снова.

АВС

Обруч уже установлен. Все ждут появления тигра. Но тигр заболел и выступление отменяется. Ты не хочешь работать дрессировщицей, ты говоришь, что тебе нравятся птицы. Гигантские полосатые кружащиеся над городом птицы высматривают добычу. Сверху спешащие на службу мужчины в костюмах кажутся маленькими серыми червяками, а дети, иг-

рающие во дворах, белёсыми личинками. Они скрываются в тени деревьев, цепляющихся корнями за сухожилия переулков, сплетающихся в лимфатические узлы старого города. Медицина бессильна. Воспалительный процесс распространился до самого горизонта. Там где когда-то был городской парк, теперь гниющие язвы коммунальных коммуникаций, кровоточащие трубы, торчащие из-под земли. Дома, которые хотят взлететь в небо.

Победитель шахматного турнира, уже оправившийся после китайского ресторана, идёт на рыбалку. Спиннинг на брезентовом ремне бьёт по жирным ляжкам. Ты подстерегаешь добычу в камышах. Один прыжок и жертва уже лежит, запрокинув голову. Руки раскинуты, подобно крыльям неуклюжей птицы. Ты разделываешь тушку никуда не спеша. Накануне я съездил в ломбард за медлительностью. Это стоило целого состояния. Пришлось продать старый фургон вместе с лошастью. Теперь ты сделаешь с шахматистом всё, что захочешь. Пока тигр не придёт в себя. Процесс выздоровления сопровождается рычанием. С потолка капает что-то густое и липкое.

Марс

Проснувшись, долго не могу разглядеть твои очертания. Между старой картиной на стене и торшером с оранжевым абажуром мечутся странные тени. Кровать подрагивает, будто находится в стремительно мчащемся поезде. Что-то изменилось в багровом небе, проглядывающем сквозь узкую щель между штор. Наконец, ты встаёшь и подходишь к зеркалу. Сколько раз, вглядываясь в своё отражение, ты просила разбить его, чтобы осколки вонзились в

бесконечное ожидание старости сладкой болью, прекратив страдания дряхлеющей кожи. Все дни и ночи, проведённые в космосе безумия, мы хотели почувствовать силу тяжести друг друга. Проклятая невесомость, не позволяющая расплющить твою плоть, раздавить мягкий живот, уронить обессилившее тело в глубину ковра, жадно засасывающего твои запястья.

Выступление перед публикой ты готовишь долго и обстоятельно. Выписываешь слова из древних словарей, репетируешь жесты, сверяешься с лунным календарём. Улицы города оплетает дикий виноград. Упругие лозы взбираются по кирпичным стенам, заглядывают в окна, скребутся по черепичным склонам крыш, пытаясь забраться ещё выше. И вот, наконец, одна из ветвей достигает желанной цели. Маленькая красная планета постепенно теряет свой цвет и форму, окутываясь виноградной дымкой.

Еноты

Ты пахнешь землёй. Ты сажала кошачью мяту голыми руками. Я пахну небом, едва спустившись с крыши. Сильный ветер оборвал провода. Пришлось забраться повыше и закрыть ветряной кран. Теперь над городом тишина, нарушаемая только повизгиванием и топотанием маленьких лапок. Это еноты. В городском парке для них соорудили поилки, в которые какой-то шутник налил газированной воды.

Всякий раз, собираясь нырнуть с аквалангом, ты берёшь с собой одного из них. Зверёк морщит полосатую морду, выражая своё отношение к водным процедурам, но, в конце концов, вынужден смириться с предлагаемым сценарием и возвращается из под

воды с рыбиной в зубах. Приезжий стоматолог, открывший частный кабинет в доме напротив, учится у енотов предприимчивости. В одно прекрасное утро его находят без чувств. Ночью животные забрались к нему через окно и разбили десятилитровую бутылку с эфиром.

Камнепад

Прошлой ночью над городом сгустились розоватые тучи. Где-то высоко, в глубине неба глухие ухающие звуки накапливались один за другим, складывались в звуковую дорожку. Предгрозовой трек флегматичного диджея, мечтающего выпастись после суточного марафона. Ранним утром по металлической крыше простучала первая предупреждающая дробь. В тот самый момент, когда кофе был уже на половине пути к постели. Когда розовое, обретая силу, начинало властвовать над голубым. Твоя голова, приподнятая над подушкой, оказалась привлекательной мишенью для безмолвного прикосновения распахнутых в порыве предрассветной страсти распахнутых губ вечности. Долгожданная влага готова пролиться на горячие камни...

Ещё один удар по крыше. Герань на окне съжилась в ожидании падения. На пыльной портьере рыжая шерсть белки, которая когда-то жила в этой комнате, дрожит от лёгкого сквозняка. В приоткрытое окно проникает липкий туман. Уже через несколько минут он добирается до постели. Глоток кофе кажется бесконечным погружением на дно озера, поверхность которого подёрнута молочной ряской. Мы медленно опускаемся в туман. Руки становятся похожими на побеги какого-то растения, проникающего всё

глубже в податливое тело, покрытое каплями росы, или пота... Наступает невесомость, и камни кружат над нами в безмолвном танце.

Маска

Несколько голубиных перьев кто-то из знакомых принёс в дом накануне Дня птичьего благодеяния, когда утро начинается со сжигания лебяжьего пуха, а в вечер заканчивается оргией со щекотанием. Перья долго лежали на полочке перед зеркалом в прихожей до тех пор, пока не появилась надежда привлечь урожай чёрных яблок. Эти редкие плоды появляются в конце сентября, после осеннего маскарада, если в нём принимает участие страшная маска. Страшную маску нужно делать заранее, слой за слоем. Папье-маше из вечерних газет... Потом вымачивать в дождевой воде в ночь полнолуния. Но самое главное — перья. Если птица, перья которой украшают маску сверху, в день маскарада ещё жива, вместо яблок можно ждать крупных неприятностей. Безымянная богиня, установившая эту жестокую традицию, требует скромных пернатых жертв.

Когда маска была почти готова, и оставалось лишь прикрепить злосчастные перья, сомнения окутали дом и сгустились над заварочным чайником. Тонкие пальцы сплелись, судорожно пытаюсь отстоять ещё один день, ещё одну страницу старого отрывного календаря с датами приливов. В сумраке спальни колышется ловушка для снов. Жёлтый пеньюар скрывает в своих складках новые материи. Голубиные перья догорают в камине, источая запах неожиданной смерти.

Вечер

Старый чёрный паровоз тяжело выдохнул, оставляя в прошлом свои воспоминания и надежды. На его фоне ты казалась совсем маленькой и беззащитной. Прижимаясь к телефонной трубке, ты звонила мне, не слыша моего приближения. На цветочной клумбе распускались подснежники. Бродячая собака спряталась в подворотне. Из кафе напротив, пошатываясь, вышли два старых осьминога.

Солнце неспешно уползало за горизонт, оставляя нас наедине. Ты изменила свой цвет, превращаясь в золотистую дымку. Сигарета на перилах балкона застыла и покрылась инеем. Иногда он бывает так похож на пепел. Горячий пепел, который может обжечь. Или обжигаяще холодный иней, напоминающий тление. Одна затяжка от ненависти до страсти. Одно мгновение, отделяющее вечер от ночи.

Луна

Идеально круглая форма твоих мыслей радует всякий раз, когда начав разговор с какой-либо темы, мы неизменно возвращаемся к ней некоторое время спустя. В зависимости от диаметра окружности, которая в этот день сияет на ночном небосклоне взаимопонимания. Если, конечно, он не затянут тучами. Синоптики, пытавшиеся предсказывать погоду в этой местности, уже давно спились, они проводят вечера в пабе, потягивая тёплый эль. Они пьют за атмосферный фронт, который однажды унесёт тебя в далёкую волшебную страну, подобно маленькой героине известной сказки. Они даже готовы купить

фургон в складчину. Но в ближайшее время ветра не ожидается.

Твоё небесное тело так чутко реагирует на малейшее прикосновение, что мне кажется, стоит нажать хоть немного сильнее, и рождения сверхновой не миновать. Что ты делаешь с собственными ощущениями, после того, как луна уходит на покой? Где прячешь это неполное собрание сложносочинённых эмоций? Когда я найду их по запаху, будет, конечно, уже слишком поздно что-то предпринимать. Да и что тут предпримешь, если маленькие птичьи следы на подоконнике ведут к самому краю.

Телескоп на проржавевшей треноге покрылся пылью. Раньше за то, чтобы поглядеть в него, окрестные жители были готовы платить медной монетой. А теперь, когда луну может потрогать всякий, стоит лишь пройти через городской парк и забраться на крышу старой конюшни, оптические приборы не вызывают интереса. Недавно кто-то нацарапал на луне твоё имя. Я сам видел это в телескоп.

Мясорубка

Использовать старую мясорубку в качестве shreddera предложил кто-то из сборщиков металлолома. Громоздкое приспособление не влезало в переполненный кузов, где уже покоились панцирные сетки от старых кроватей, газовая плита, многочисленные ржавые трубы, твоё железное терпение, мои стальные нервы, а также коллекция свинцовых матрёшек, проломивших полочку книжного шкафа и за это об-

речённых на изгнание из домашнего рая. В общем, мясорубка не помещалась, как её ни крути. Основательный аппарат на ножках, с прожорливым полуметровым раструбом, сконструированный, наверное, ещё в те времена, когда домохозяйкам приходилось готовить фарш для котлет из мамонтов.

На грядке, где когда-то росли астры, а теперь поселился старый седой ёж, окопавшийся под пожухлой листвой, мясорубка выглядела как инопланетный летательный аппарат, чудом уцелевший в плотных слоях атмосферы при вынужденной аварийной посадке. Первую порцию бумаг, подлежащих уничтожению, принёс почтальон. В его сумке оказалась целая пачка не востребовавшихся писем, которые не нашли своих адресатов. Послание Утренней звезде от Старого книжного шкафа, извещение о вскрытии Перламутровой устрицы ржавым ножом для бумаг, уведомление о дате судебного рассмотрения Дела безвременно утонувшего утюга, завещание Мартовского зайца... Запах морских водорослей и прокисшего молока расплывается в воздухе, пока бумага, корчась от боли, проходит свой последний путь.

Мельница

Сколько бы эскизов вы не нарисовали, всегда останется необходимость в ещё одном. Том самом, который уточняет последнюю деталь. Его можно ждать очень долго, да так и не дожждаться. Но иногда всё же случается момент, в который над горизонтом возникает северное сияние или радуга. С хрустом ломается карандаш, не в силах выдержать напряже-

ния, поскольку это лишь бумага способна стерпеть многое. Ей вообще более свойственно женское начало. Терпеливое и покорное, правда лишь до определённого момента. Внутреннее напряжение грифеля передаётся рукам. Лёгкая дрожь. Хмурое утро, свет, проникающий сквозь полуприкрытые шторы.

Настольная лампа медленно движется к краю стола. Электрический шнур свивается в тугие чёрные кольца, пережимая запястье всё туже. Холод пробирается под тёплый вязаный свитер. Кто-то шутил, что это собачья шерсть. Для собачьей погоды. Когда ты рисуешь на листе пожелтевшей бумаги хмурое серое небо, мне кажется, что молния, поджидающая своего часа, ударит и разорвёт этот рисунок надвое, а потом, не останавливаясь, продолжит свой путь через поверхность стола и скроется в абажуре. Я договаривался с лампой, чтобы молния могла беспрепятственно уйти. Иначе все мы обречены вечно питаться её энергией, раскалывать грецкие орехи створками наших дверей и любить друг друга так, будто мы мельницы, лопасти которых толкает неутомимый электрический ветер. Но мельниц не существует, есть только эскизы...

Снег

На завтрак я готовлю салат из молодой спаржи с зелёным горошком. На окнах изморозь. В камине шипит полено, рассыпая обжигающий порошок надежды на глобальное потепление. На диване спят, прижавшись друг к другу, две странницы, попросившиеся вчера на ночлег. В комнате висит сладковатый запах духов, который, как кажется, исходит от

кружевных розовых ночных рубашек, в которых они явились. Сняв одежду, странницы оставили её у камина, укрывшись большим клетчатым пледом.

Этюд в тёплых тонах мог бы получиться неплох. Но сегодня ты инспектор. Спаржа оказывается контрабандным товаром, ввоз которого сулит немалый штраф. У меня почти не осталось наличных. Публичное наказание. Раскаяние и исправительные работы. Мораторий на смертную казнь – единственная радость и утешение в моей беспутной жизни. Проснувшиеся странницы присоединяются к истязаниям, вынудив из своего дорожного саквояжа сборник японской поэзии. Они возбуждённо читают стихотворения одно за другим, не издавая ни звука, только синхронные движения влажных губ передо мной открывают врата в пучину страдания. Каждое слово впивается в моё тело как жало бесшумно подлетевшего малярийного комара.

В облаках, выползающих из-под двери ванной комнаты, я уже не могу различить своих ног. Ты принимаешь паровой душ, чтобы набраться сил перед новыми пытками. Но они не могут длиться вечно. Станницы поспешно натягивают свои рубашки, напоследок демонстрируя бесстыдную наготу и змеиную ловкость. Из-под потолка начинает медленно падать спасительный снег.

Возвращение

Простые числа на листках отрывного календаря. Одни только простые. Отредактированный календарь худеет. Фазы луны сходят с ума, неблагоприятные дни путаются под ногами. Если лечь на пол

и смотреть в потолок, не отрывая взгляда от тонкой паутины трещин, разбегающихся от крюка для люстры, можно почувствовать приближение сумрака. В каждой трещине есть своя сумрачная доза. При экономном использовании не так сложно растянуть этот запас на целый год. Если, конечно, календарь сокращён до простых...

Год — вполне достаточный срок, чтобы выйти из себя без надежды на возвращение. Попытки приобрести обратный билет заканчиваются неудачей. В нужном направлении все места проданы. Притом, что количество рейсов сокращено по причине непогоды. Сумрачное время наступает с каждым днём раньше, а в темноте пилоты не решаются летать на большие расстояния.

Ты посоветовала мне отправиться пешком. Всего несколько десятков лет и я окончательно вернусь. Ты будешь ещё привлекательна и упруга. Разве что границы астрального тела станут слегка размыты, как у ящерицы, пытающейся завершить процесс регенерации за счёт отказа от регулярной половой жизни. В этот момент рептилии становятся более доступны для охотников.

Дождливый день — идеальное время для привидений. Не верьте тем, кто пугает вас привидениями по ночам. Среди капель кислоты, висящих в воздухе, в условиях повышенной влажности зарождаются самые чудовищные образы, от которых не будет спасения пассажирам обратных рейсов. Замкнутое пространство салона, переполненное концентрированным ужасом — последнее воспомина-

ние составителя календаря. Оторванный листок кружится в бессильном стремлении долететь до пола. Но это также невозможно, как и любое возвращение. "Возвращаться некуда" — это общее правило, которое ещё никому не удавалось нарушить. Полагая, что возвращаемся туда, откуда вышли когда-то, мы неизменно попадаем в совершенно иное место и время. Королевский павлин закрывает занавес своего парчового хвоста. Представление окончено.

Подписано в печать 15.11.2020.
Формат 60х84 1/32. Объем 3 усл. п. л.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 500. Зак. 59.

Отпечатано в типографии издательства «Нюанс»
г. Таганрог, Солодухина, 87.

